

ВЕРА ЖОСАН

РЯДОМ С
МОДЕР-
ХУДОЖНИКАМИ

Р Я Д О М
С
Х У Д О Ж Н И К А М И

Записки Веры Жосан

Ташкент
Издательство журнала «San'at»
2009

**ББК 85.143 (5У)
Ж81**

Жосан, Вера.

Рядом с художниками: Записки Веры Жосан/
Вера Жосан. - Т.: Изд-во журнала "San'at", 2009. - 105 с.

ISBN 978-99-43-322-56-1

©Вера Жосан. Рядом с художниками

© Издательство журнала "San'at"

От издателя

Мне не довелось быть знакомым с автором публикуемых записок Верой Авраамовной Жосан, но я был наслышан о ее душевных качествах, вкусе, литературной образованности. Погрузившись в чтение рукописи, я нашел этому подтверждение. Рукопись представляет собой записки, сделанные на листах писчей или оберточной бумаги, четвертушках миллиметровки, листках почтового набора, в линованных школьных тетрадках и хозяйственных конторских книгах. Ясно, что это записки для себя – "обрывки" памятных встреч, разговоров, увиденных картин и прочитанных книг. Наспех набросанные строчки поверх конвертов сделаны в продолжение разговоров со своими адресатами.

Среди бумаг много стихов, большей частью из поэтических сборников. Это строки, затронувшие чем-либо душу, созвучные ее сиюминутному настроению, переживаниям женщины. Их много. Подступив к чтению, я прикоснулся к изменчивости настроения пишущего и, взяв наугад первые листки-выписки, приготовился: "Есть горечь нежная/ полночною порой/ внимать медлительным/ шагам воспоминаний".

Но ничего похожего на горечь утраты в "Записках Веры Жосан" я не нашел. Я встретил веру, незамутненную радость встречи с незабытыми, а частью вызволенными из забвения, именами.

Короткие записки сделаны Верой Жосан в последние годы жизни. Она всегда увлеченно рассказывала о художниках, сохранила привязанность к художественной среде и страстный интерес к динамике развития искусства. Скажем и то, что ее отличало личностное отношение к людям и художникам в том числе. Но эта человеческая заинтересованность окрашивает ее страницы в теплые тона приязни, сочувственной оценки жизненных ситуаций, любви.

В 1929 г. семья Жосан покидает Самару и переезжает в Среднюю Азию. С этой даты, с самаркандских встреч мы и начинаем публикацию.

Условно все записи можно разделить на три части: Самарканд. Город и художники. – Переезд в Ташкент. Кинороботники. – Общее. За окном. Но Самарканд, память о городе, его колористической партитуре и его художниках проходит сквозь все разделы, живет в ее памяти и живых контактах с самаркандцами. Естественно, что в публикуемых воспоминаниях большое место занимает В. Н. Еремян, брак с которым продолжался 26 лет. Ему отводится роль одного из лидеров, и с этой оценкой согласятся изучающие историю искусства Узбекистана.

Вера Авраамовна скромно оценивала свое место спутницы художника, но знавшие ее говорили о внутренней горячности, готовности «служить», отказавшись от себя. Уже после кончины Варшама Никитовича в Ташкент пришло письмо от художника П. А. Кускова. Много лет он работал в Узбекистане и лишь в первые послевоенные годы вернулся в Россию. Письмо краткое, его завершающие строки приведем здесь как отвечающие нашему впечатлению. "Когда вспоминаю Самарканд, жизнь и Вас, Вера, мне всегда мысленно хочется сказать Вам – Спасибо. Не знаю за что. Наверное, за ту простоту и человеческое тепло, которым Вы были так богаты". (Петродворец Ленинградской обл. Штамп отправки 3.11.1969. Петр Кусков).

Передают, что в последние годы, уже не выходя из дома, Вера Авраамовна говорила, что прожила счастливую жизнь – оттого, что судьба подарила ей встречи с интересными людьми, и – "они всегда со мной".

Мы надеемся, что эту радость встреч ощутит и внимательный читатель, которому мы дадим возможность соприкоснуться с разными человеческими характерами.

Перебирая стихотворные выписки, невозможно отделаться от музыки слов и понимается, что это важная составная переживаний и образного восприятия нашего автора. Их невозможно пропустить, не встроить в графически оформленное течение мысли. "Я сожалею, что и ты / Когда-нибудь уйдешь навеки / Из мира, где цветут цветы / И в берега стучатся реки". Мне остается лишь подхватить мелодию светлого прощания и сказать так, как сказал бы автор публикуемых записок Вера Жосан: "Я уйду. Со мной уйдут люди, которых помнила я и в них любила жизнь и видела смысл пребывания "на этой колючей и грешной земле". Быть может, на этих листках удастся сдержать трепетную частицу их бытия".

Нодир Норматов

*Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земле мое
Кому-нибудь любезно бытие*

Е. Баратынский

Самарканд

Я. Р. Страдин.

1930 г. Мне было 18, ему 33. Поступила на Изофабрику в скульптурный цех ученицей. Страдин в ту пору вылепил в натуральную величину и отлил в гипсе фигуры – "На учебу" (Вперед! Учиться). Решение плакатное (Вперед и выше!). Две фигурки узбекских мальчиков-школьников, карикатурную маску Чемберлена вылепила самостоятельно по эталону Страдина, получив за маску Чемберлена высший балл – восхищение мэтра.

Нет! Не любила его. Стала женой, когда после моего отказа сжег на огне свою руку. Плакала, когда рассказывал о подполье (был в буржуазной Латвии большевиком), о тюрьмах, пытках, психушке. Привязалась, полюбила позднее.

Был убежден, что близким людям приносит несчастье. Круглый сирота. Родных никого у него не было. Очень привязался к моей маме, был внимателен и ласков. "Купим маме булочки, она их любит", – напоминал мне, увидев булочную. Играл в футбол, рыбачил, активно вел себя на собраниях и съездах, заходил на раскопки на Афрасиаб¹.

В его комнате холостяка висел написанный до меня квадратный холст, метра полтора, "Песни лягушки". В болотной зелени при внимательном рассмотрении можно было разглядеть скачущих квакуш и кое-где

¹ городище древнего Самарканда (ред).

разбросанные по воде скрипичные знаки. – Вертикальный холст: на фоне голубого неба белоствольные стволы берез. – Портрет художницы из Бухары Анцевой, – писал возлюбленную по памяти. Весь холст в тепло-зеленых тонах, кое-где голубоватое. При внимательном рассмотрении возникала женская голова в натуральную величину. Рассказывает: написав, потерял сознание. Сколько времени пролежал, не знает и не помнит. – Смеющаяся милая танцующая девушка-узбечка в атласе лучисто оранжевых узоров, вспоминался колорит из полотен Рембрандта. Золотисто-оранжевый цвет сцены переливал цвета развевающегося платья. – Много писал меня. Маслом, гуашью, рисовал карандашом, акварелью, когда стала его женой.

В жизни думал, достигнув вершин в живописи, перейти в технику – изобретать. Думал прожить семьей. Нарисовал размером с экслибрис – он, жена, дочка – девочка с огромным бантом на головке. Оба держат девочку за ручки, взбираясь вверх над пропастью по острым кручам гор.

Увлекающийся, оптимист, деятельный, был сангвиником. Не допуская во мне инакомыслия. Должна была точно разделять его мышление. Я – вся сопротивление, не допускала своего обезличивания.

Мучительно страдая, оставила его, успев за три года привязаться. Цена его, профессионального художника, юмор, мужчине опору, готовность защитить. Были такие примеры готовности героически защитить меня. Брак распался. Он не попал в историю. Почему-то кажется это о нем:

*Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел.*

Брак предшествовал моему второму с его же товарищем – Варшамом. Первый был уроком "Мудрость зарабатывают шрамами" (восточная пословица).

Уезжала от него насовсем, скрыв задуманное. Оформила без него развод и уехала, сообщила адрес, когда обосновалась на жительство у сестры. В ответ получила письмо: "Вернись! Буду ждать три дня. Не вернешься – кончусь с собой".

Возвращалась как к чужому, давно похороненному. Этим расставаниям и встречам положили конец его брак с Н. Крымской и мой, в тот же год, с Варшамом.

Уйму писем Страздина ко мне уничтожила своенравная, подлая и злая Ш².

От него получила урок. Усвоила – в браке не только радости. Жди, надейся, терпи.

Однажды у меня произошел небывалый случай: Страздин не пришел ночевать! Утром я отправилась в Старый город к Варшаму, уверенная, что от него услышу правду.

Он попросил меня сесть и рассказал: "Художники из студии, где занимались рисунком, возвращались домой. Было поздно. Встреченные ими парни грязно обозвали Скиндер, которая была единственной женщиной среди мужчин-художников.

Ян не стерпел, чтобы в его присутствии оскорбили женщину, и ударил зачинщика. Завязалась потасовка. На шум появилась милиция и стала разнимать дерущихся. Разгоряченный Страздин, продолжая драку, в азарте разоружил одного из милиционеров. Его скрутили и увезли. Он сидит в

---

²родственница В. Жосан (ред).

милиции. После выяснения причины и обстоятельств происшествия его обещали отпустить".

Страздин действительно вернулся. Невредимый и веселый.

Отлучаясь из дома и возвращаясь, непременно увлеченно и подробно каждый раз рассказывал мне о том, что было во время его отсутствия.

Я и Страздин идем по дачным местам за городом мимо ворот, на которых крупно написано краской "Просьба стучать. Во дворе злая собака". Он задерживается и сильно кулаком стучит, потом медленно со мной удаляется. Я с ужасом шепчу: "Зачем ты это сделал?". Лукаво улыбаясь, он отвечает: "да ведь просят же!".

Выскочивший хозяин не верит своим глазам, глядя вслед медленно удаляющейся интеллигентной паре.

Л. Л. Бурэ.

В Изоучилище он преподавал графику. Помню его урок о композиции. Он рассказал о схемах композиции, дал задание на дом. Мою работу в трех вариантах он объявил как подставную, заявив категорично: "Это делали не Вы!" Предполагая участие в этом моего мужа – художника. Я была польщена, т.к. моя работа была совершенно самостоятельной. Муж о ней даже не ведал.

Выглядел он аристократично и артистично. Черная бархатная блуза, под ней ослепительно белая рубашка и большой черный бант под шеей. Он очень выделялся своей внешностью среди остальных художников, одетых в повседневное рабочее платье.

Работал он постоянно бесперебойно и продуктивно в области графики.

В сатирических журналах, "Муштум", пожалуй, по насыщенности остросоциальной злободневности и количестве ему не было равных.

В живописи у него были большие холсты с историческими памятниками древности, где очень достоверно и любовно был выписан каждый изразец на их стенах. Сейчас к 100-летию и дню его смерти они в экспозиции музея.

Художники его работы обходили молчанием. В живописи он воспринимался натуралистом в пору активных поисков нового языка и содержания (идей).

Как-то он пригласил художников к себе домой (не помню в связи с чем). Был роскошный, обильный, разнообразный и чрезвычайно вкусный стол. Руки жены стремительно мелькали, подавая все новое и новое, мастерски приготовленные кушанья.

Жена у него была телеграфисткой и нам даже не удалось ее рассмотреть. Детей не было. С чувством глубокого стыда и вины признаюсь, что я ее с того дня так и не запомнила.

Пили горячительное. Чужой жене один из присутствующих, художник, потихоньку от ее мужа, целуя затылок, напевал: Ах, как жаль, что я монах. Преподавательница химии в училище без конца отбивала "барыню". Л. Л. в середине застолья воскликнул: «Ребята! Скажите правду: Художник я или нет». "Ребята" дружно сказали "художник!" Зная его ранимость, солгали.

Варшам заплакал, узнав о неожиданной и трагической при темных обстоятельствах, его гибели. В годы войны "Правда Востока" не приняла к напечатанию обширный текст о его деятельности – некролог, написанный Варшамом: "Фамилия не та", посчитали "немецкая", следовательно, фашистская сейчас.

Пометки В. А. Жосан к ее же рукописи о Л. Л. Бурэ:

честность

скромность

искренность в искусстве

работоспособность

злободневность

Только теперь в выставленных в музее его полотнах благодарный зритель увидит неувядаемую красоту и историческую достоверность древних памятников Самарканда.

В центре художественной жизни стояли обособленно две группы. Состоящая из преподавателей ИЗОучилища: П. П. Бенькова, Л. Л. Бурэ, З. М. Ковалевской, М. В. Теплова.

Другая группа представляла собой сотрудников ИЗОфабрики: О. К. Татевосьяна, Г. Н. Никитина, В. Н. Еремяна, Е. Вучетича, Я. К. Кучиса, Я. Р. Страздина, В. П. Толя, А. Иванова, Е. Л. Коровай, Н. В. Кашиной, О. Соколовой, В. Савина, А. Шакарова, Сиддыки, В. Дуковича, М. Калонтарова, А. С. Ермоленко, Р. А. Акбальяна, Фальбова, А. Аракчеева, Е. Савинова, А. Т. Патрашкина, Г. Миносянца, П. А. Кускова.

Позднее в этот коллектив вступили Р. Тимуров, А. Разыков, Л. Агриян, Ч. Ахмаров.

П. П. Беньков.

Среднего роста, бледный, чуть полнеющий рыхлой полнотой, незаметный, одетый, как все в начале 30-х годов – летом костюм из сурового полотна, из-под кителя у шеи белая сетка, на голове белая тубитейка, на ногах белые парусиновые туфли. Молчаливый, с тихим медлительным вкрадчивым голосом, он и держался тихо, стараясь не привлекать к себе внимания. Внимательный, выдержанный. В этой внутренней выдержке, скромности, в этом известном уже тогда художнике было личное обаяние.

Я тогда была принята на 2-ой курс Изотехникума в Самарканде. Павел Петрович неспешно появлялся после звонка, объявлял задание и удалялся. Работали все в полной тишине, не отвлекаясь, дружно и увлеченно. Он приходил, когда кончалось назначенное время, останавливался возле каждого студента, внимательно вглядывался, положительно или отрицательно отзываясь. Часто присаживался, частично стирая и редкими линиями (вел он при мне рисунок) свободно рукой мастера совершенно преображал его, покая и восхищая ученика.

Позднее я ушла из училища, но связи не порывала и наблюдала, что так бывало и с холстами студентов: широким редким мазком, преображая на их глазах робкое полотно, приводя автора и окружающих в трепетный восторг.

...Помню в Изучилище отличника и комсорга Лутфуллу Абдуллаева, общительного, непосредственного, влюбленного в сцену Сашу Гинзбурга, тихого и старательного Ашрафа Разыкова, не признаваемую Катю Рафаэльянц за отраженный и только ею видимый роскошный, дивный мир природы ("Так не бывает!")...

Павел Петрович для его учеников был самым почитаемым и любимым художником в Самарканде. Именем Бенькова названо училище, улица в

Самарканде, а сам он смотрится в Музее искусств³ среди работ З. М. Ковалевской и там же большое место занимают его работы. Как живой смотрится стареющий художник с прижизненного проникновенно написанного портрета с мягкой усталой задумчивой и ироничной полуулыбкой у своего рабочего стола в неярком зимнем свете.

Его ученики – теперь известные в Узбекистане художники Абдулхак Абдуллаев, Лутфулла Абдуллаев, Рашид Тимуров, Разыков и др.

Об Александре Силыче Ермоленко.

В Самаркандском коллективе художников он был старше всех лет на 15 и казался старым. Товарищи и звали его по стариковски "Силыч". Худой морщинистый с едва уцелевшими зубами и каким-то булькающим утробным голосом (бу-бу). Выражение угрюмости было постоянным.

Работал на натуре фотоаппаратом, подолгу молчаливо всматриваясь и размышляя. Каждый вечер его можно было увидеть в чайхане за шахматами.

Жил он в Тилля-Кари наверху аскетом (монахом) один в неприспособленных для жизни художников условиях. Был активен в среде художников, в общественных вопросах вместе со всеми. Много знал по линии других профессий. Злые языки полагали, что он штудирует журнал "Хочу все знать" ("Знание-сила").

В Самарканд он метнулся после окончания I-й Мировой войны, отвоёвавшись солдатом. Дома, куда он было вернулся, его место в семье оказалось занятым. Здесь в Самарканде остался до конца жизни.

...В студии позировала приглашенная молодая женщина с улицы.

³ Государственный музей искусств Узбекистана, Ташкент (ред).

Мраморный цвет лица, черная вороного отлива стрижка, серо-зеленые глаза, правильные черты лица, пухлая фигура. Согласилась позировать обнаженная с условием, что использовать и принуждать ее как женщину не станут. Силыч уговорил ее позировать для своей картины. Она явилась, тяжело заболела. Поправилась благодаря самоотверженному уходу за ней Силыча, и художник попросил ее стать его женой. Она осталась у него, отлучившись лишь за маленьким узелком своей одежды. Жили бедно вдвоем. Третьей была ворона с перебитым крылом. Он занимался с Тосей, накупив учебников по всем предметам, чтобы она была образованной и имела б хорошую среду.

Во II-ю мировую войну впал в депрессию. Бросил работать. Замкнулся и зарабатывал крохи починкой часов. Тося встретила свою первую любовь и увлеклась ею снова. Они жили вдвоем (теперь уже в узбекском домике) у Силыча, заботливо, по-отечески оберегавшего их. Потом супруги уехали из Самарканда, увозя с собой подарки Силыча – картины, портреты Тоси, благие пожелания и просьбу-мольбу не забывать его – писать. Вначале письма приходили аккуратно, потом реже и, наконец, прекратились. Потянулись у Силыча годы полные скорби и одиночества.

Он встретил молодую, жизнерадостную и хозяйственную женщину. Для нее Силыч – "Александр Силович", как она его называла, был и мудрец и гений. Ее любовь, заботливость вдохнули в него силы, вернули веру в себя. Начал работать снова. На лице засветилась милая добрая улыбка. Музеи начали покупать его холсты и когда в конце его жизни организовали 1-ю персональную выставку, город ахнул, узнав в художнике своего старого мастера-часовщика.

Жена не раз просила его "нарисовать" ее, но он только отмалчивался.

Престарелый художник скончался ухоженный, оплакиваемый его верной спутницей Марией Федоровной Ермоленко.

Замечательный его рассказ остался в памяти.

Он – солдат в I-ю мировую войну должен был передать казенные деньги в часть. Была ранняя весна. Путь лежал долгий и пеший. Когда он явился – денег при нем не оказалось. Это угрожало ему серьезными последствиями. Он задумался: кража исключалась. Мысленно, зрительно проделал весь прошедший путь: при каких обстоятельствах могла случиться потеря (деньги хранились в головном уборе) и мысленно же... нашел. Пустился в путь обратно и там, где и предполагал, – пропажа действительно оказалась на месте.

Меня не раз в жизни выручал этот рассказ. Свои потери я находила с помощью рассказа Силыча.

Самарканд, – яркий, пестрый, солнечный, не сразу давался художникам. Многие писали, в том числе приезжие отовсюду, по-разному: были белесые, были пестрые, были не организованные яркие. Всякие. Собиралась вокруг толпа малых и взрослых. Тихо окружали, застывая надолго, пытливо и серьезно вглядываясь в холст.

30-е годы. Сколько народу отовсюду приезжает летом в Самарканд. Среди последних туристы, экскурсанты, отпускники, художники-профессионалы, студенты, любители. Они ходят потрясенные красотой увиденного. Пишут. Красочность города в архитектурном ансамбле, жизни на улицах: народ, базары, чайханы, наездники и пешеходы. Все захватывает, и на листы, либо холст ложатся взволнованные насыщенные цветом этюды, в которых часто лишь искушенный зритель по его нацеленным взглядам смог бы догадаться, что хотел передать художник. Окружала и увеличивалась толпа вокруг: узбеки дети, взрослые, старики. Молча, пристально (вдумчиво) смотрят как под кистью ложатся мазки, не шелохнутся. Художник продолжает работать.

Озабоченный, страдающий, чувствуя только цвет, город не дается ему сразу живой натурой. Жадно цвет ложится сочными пятнами, не облеченными в образ, скользит по поверхности. Надо крепко и надолго полюбить этот город, не раз возвратиться и может быть навсегда остаться в нем, что так и бывало.

Часто собирались у Коровай в Старом городе, узбекском домике. Приветливая, маленькая и худенькая, с густо заложенной в круг на ушах косой, всегда в одном – черном платье, она сидела ножка на ножку и принимала самое живое участие в беседах, времяпровождении. Центром этих собраний были хозяйка дома и Варшам Еремян. Двери домика не закрывались, приходили художники и уходили, оставались с чувством, что они как бы у себя. Атмосфера дружественная, приподнятая, радостная. Помню, бывали у нее Саша Шакаров, Яша Басов, Лера Дукович, Фальбов, Страздин, Силыч (Ермоленко). Я очень любила Лену и с благодарностью вспоминаю то время и тот коллектив художников, в котором бывала я. Поражала и радовала атмосфера открытой сердечности, дружественности, отсутствие условности в быте и взаимоотношениях.

Не помню, что именно самаркандские художники решили отпраздновать. Коровай из бумаги вырезала ножницами узорчатые салфетки, заменяя ими отсутствующие тарелки, и накрывала на стол. Какова была снедь, тоже не помню, помню только, что тогда художники бедствовали и недоедали.

Веселье проходило под "музыку". Напевали, барабаны костяшками пальцев по столу. Саша Шакаров изображал "Танец маленьких лебедей". Костюм его состоял лишь из черных трусов, тело и ноги были покрыты его природной густой черной волосатостью. Он выделял па и арабески. Это

было очень смешно.

У Варшама на голове была косынка, повязанная под узелок, а под рубахой рядом две дынки. Он представлял бабу и отплясывал "Барыню". Силыч пригласил меня на вальс, и мы с ним лихо кружились.

Все веселились от души.

Маленький, дружный, активный коллектив.

Приезжали работать летом

1937 – Ю. Павильонов (Москва)

1937 – Я. Басов (студент Ленингр. Акад. художеств)

1937 – Аветов (Москва).

"Портрет В. Ж."⁴

Маленькая, худенькая неизменно в длинном черном глухом платье с папироской в руке она была очень подвижной, обаятельной, женственной. В старом городе Самарканда в ее узбекском домике и дворе всегда стояли, сидели, толкались художники. В этом доме радовались каждому входящему и каждый входящий оставлял позади, за порогом, мучительные обиды, все показное, обретая равновесие духа, очищаясь от мелочности и дрызг, становясь самим собой, без кокетства, позерства. Дух этого жилища выметал все наносное.

...1935-36 гг. Я звала Елену Людвиговну Леночкой (ей было тогда лет 35), другие Леной или Еленой Людвиговной. На Изофабрике с Никитиным они были на "Вы" и, обращаясь друг к другу, называли по имени отчеству.

...Е. Л. попросила меня позировать для портрета. Она писала его у себя дома, дав мне в руки свою любимую настольную Библию. Помню, мне 21 год. Сидела в обитом красным кресле в черном бархатном закрытом платье с

⁴ работа находится в Государственной Третьяковской галерее, Москва (ред).

кремовой меховой опушкой вокруг шеи. Позируя, окаменела. Художница говорила: "Держитесь свободнее. Разговаривайте". И сама разговаривала со мной, но я боялась шелохнуться.

В законченном портрете я увидела то, что в жизни не любила в себе, – свою несмелость, замкнутость и скованность. На выставке он назывался "Портрет В. Ж."

Рельеф Старого города Самарканда – неровный. Улицы узки и извилисты и если ты, очутившись на возвышенности, вздумаешь, увидев невдалеке избранный тобой объект, добраться до него прямым, – кратчайшим путем, то почти безлюдные тихие, пыльные улочки, оказавшиеся внизу, совершенно скроют из виду его и, вконец измученная долгой дорогой, неожиданно упруешься в тупик из длинных, высоких дувалов и поймешь, что окончательно заблудилась, выходя с трудом и помощью редких встречных, на совсем другое знакомое ранее место, оказавшись далеко-далеко от того, где тебе думалось быть.

В Старом городе Самарканда необычайно прихотлива и приветлива весна, победоносно пробивающейся между древних каменных плит травой и красными маками, цветущими и на крышах кибиток и на куполах медресе.

Город стоял в уникальных национальных строениях со своим укладом и бытом. Резные деревянные калитки, ворота, колонны, изящная настенная роспись. Чистые, ухоженные прохладные дворы с цветниками, садами, хаузами.

...Кое-что теперь можно встретить лишь в музеях – на картинах и в залах народного творчества.

Г. Н. Никитин.

... "Если бы кто-нибудь мне сказал о том, что будет со мною, я хохотал бы как безумный над невероятной выдумкой", – скажет Жора. Судьба распорядилась непредвиденно. Переполюющая его сердце любовь к Востоку, его культуре, поэзии, этнографии погрузила его в дом прославленного народного мастера и породнила с ним Жору. До этого он встретил его дочь – Салиху и поведал своему товарищу, что ни жить, ни творить без нее не сможет.

... У них родилось четверо детей, стены скромного жилища Усто Ширина Мурадова наполнились всплесками детского гомона, узбекского, таджикского, редко русского говора. Подрастая, они пошли в узбекскую школу. Жора растворялся в сладостно желанном окружении любимых, полностью разделяя с родными речь, быт, обычаи, оставалось лишь осуществить давно выношенное им решение сменить свою фамилию на мусульманскую.

Жизнь не баловала его. Терпел нужду, страдал от разлуки с росшей вдали дочерью от первого брака, не был признанным в искусстве, сносил стену отчуждения товарищей, пережил наветы, но тот блаженный, обетованный остров – семья оставался для него неизменно дивным миром.

Никитин был замкнут, не общителен с людьми, к которым не питал симпатии и не видел близости к своему внутреннему миру. Держался молчаливо, насупившись. Но какой это замечательный и интересный человек, когда он раскрывался среди близких ему людей! Он становился совсем другим – жизнелюбивым, содержательным, интереснейшим! Неисчерпаемы темы – Восток, люди, обычаи и характеры, жизнь во всех ее причудливых и тонко подмеченных ситуациях.

Он выглядел хмурым, неприметным, неприветливым, не выделяясь в толпе одеждой – неброской, небогатой, обыденной, на голове – бритой по тому

времени (20-х годов) – ферганская, позже белая, тубитейка. Старался оставаться в тени, держался молчаливо, замкнуто. Попадая в среду товарищей, дорогих и близких его сердцу, он совершенно преображался, открываясь наблюдательным, содержательным, чрезвычайно интересным рассказчиком. Тогда невозможно было не радоваться быть возле него.

Я встретила его впервые в Самарканде на Изофабрике. Цеха, перегороденные ширмами, гудели от горячих споров о выполненных работах, путях современного изобразительного искусства, наследии классиков, вопросах соцреализма, прочитанных книгах. Шумную реакцию на Кампанеллу, "Священный жираф", "Двенадцать стульев", "Луну и грош" и др. От души хохотали над 12 стульями, заражались мечтой о безмятежной обетованной земле с роскошной красотой мироздания и прекрасными смуглыми женщинами...

Георгий Николаевич Никитин умер 65 лет отроду и был похоронен на мусульманском кладбище со всеми подобающими обрядами захоронения мусульман.

Художник оставил в доме на стене портрет Салихи маслом и никем не виденные во вскрытой посмертно его мастерской в Самарканде, написанные в последние годы жизни трепетно живые, светлые, тонкие живописные листы акварелей древнего зодчества Самарканда. В них проникновенно дышала одухотворенная красота, незримые руки народных создателей, характер природы, пространство, тишина, высокое и смиренное раздумье о вечном.

Вариант записей

...Спустя годы стороной – молчаливый Никитин показался среди тех людей, которым верил.

Уходил писать, никому не показывая своих работ, скрывал даже место натуры. Когда после смерти его вскрыли в Самарканде мастерскую, где жил художник, были обнаружены прекрасные листы акварели. Легкие, прозрачные, донесшие до нас тишину памятника, красоту создания человеческого духа и рук, характер солнечного края...

Не все успел сделать в своей жизни Г. Н., иначе не молил бы при кончине: "Боже! Дай мне пожить три... нет – четыре дня!" М.б. это касалось оформления брака с Салихой, по которому потом у нее оказались свои суждения в отношении формальностей, такие необходимые в материальной основе житейской суеты.

...В первую пору увлечения Салихой Жора написал ее портрет. Женщины, без которой, по его признанию, он не мог жить.

О. К. Татевосьян.

Маленький, кругленький, с по-детски наивными, добрыми и вопрошающими глазами. Голос воркующий, будто он курлыкал, как птица. Разговоры не из вычитанного, очень непосредственные из лично выношенного и увиденного. Он привлекал к себе внимательной доброжелательностью и неистощимой непрерывной работоспособностью. "Самаркандский колорит", розово охристый, по-моему, открыл он. К нему тянулись, собирались у него, несмотря на висящее четко оформленное на дверях мастерской (там же он жил) объявление, что в связи с работой прием ... указаны часы, но товарищи этим сообщением совершенно пренебрегали, п.ч. считали, что лично их – его друзей (как все себя считали), это ни в коей мере не касается.

На последней прижизненной выставке О. К. Татевосьяна в немыслимо холодном помещении (это было в Ташкенте после землетрясения 1966 года)

возле небольших по размеру экспонатов – ранних работ долго стоят четверо стариков узбеков в праздничных национальных одеждах. Они громко и оживленно, жестикулируя, говорят на своем языке, временами заразительно хохочут, снова и снова всматриваясь в мотивы на стенде. В живых умных глазах – радость от встречи и узнавания родного мира.

...Я люблю ранние самаркандские работы О. К. Татевосьяна. Колорит, характерный для Самарканда розово-охристый необычайно верно и красиво, по-моему, открыт именно им в своих картинах.

Проживая последние годы в Москве, престарелый мастер до последних дней своей жизни возвращался писать Самарканд.

Самарканд. 1937 г. Тилля-Кари.

Запомнились тихие вечера во дворе Тилля-Кари, душевные беседы за нехитрой трапезой, красота древней архитектуры, свежая прохлада после дневного зноя и крупные сверкающие над головой звезды.

К вечеру на стенах Регистана гасли теплые краски заката. Со стен медресе с шумом взмывали вверх стаи стрижей. Под ногами медленно остывали каменные плиты. На быстро стемневшем небе открывались сияющие крупные звезды. Четкий квадрат Тилля-Кари. Свет и тени...И тебя песчинку восхищала, смутно тревожила и несла музыка (симфония) бесконечного пространства и вечности.

Снимавшие под жильё приезжие выходили из худжр.

1937 г. В худжрах Тилля-Кари постоянно проживали археолог

Парфенов, сестра художника Фалилеева, Саид-ака – священнослужитель (мулла), Ермоленко с женой Тосей и я с Варшамом. Под мастерскую одно из помещений занимал Маркел Калонтаров. Приезжие на лето художники размещались в других пустующих худжрах: москвичи Аветов, З. Куликова с мужем (А. Шорчев), К. Дорохов, Басов из Ленинграда...

Ю. Павильонов.

Одну из верхних худжр Тилля-Кари занимал приезжий москвич, молодой художник Юра Павильонов. Вечерами оттуда, где он оставался один, неслись нежные чарующие звуки флейты. Хотелось видеть играющего музыканта, но стоило нам приблизиться к худжре, как музыка умолкала. Наши попытки так и не имели успеха.

У Юры было удивительно открытое, излучавшее доброжелательность лицо и милая смущенная и виноватая улыбка на красивом румянном лице.

Как-то в худжре я лежала одна, больная. Он вошел и лицом склонился ко мне. Я приподнялась, вскрикнув: "Что вы! Что вы!". Он поднялся с опущенной головой и вышел... Я долго потом вечером боялась выходить одна за ворота. Казалось, что он там ждет меня чтобы обнять.

Мы все смеялись, когда он пытался пожаловаться, что плохо себя чувствует. Не верили.

...Спустя короткое время, по его возвращении с окончанием в Самарканде лета в Москву, мы получили скорбное известие о его кончине. Как сейчас говорят, "после тяжелой и непродолжительной болезни". Саркома.

***

Нет-нет да всплывет в памяти легенда, прочитанная мною в 14 лет.

В одном царстве-государстве тяжело заболел царь. Лекари в один голос сказали, что он вылечится, если на него надеть рубашку со счастливого человека. Бросились слуги искать по всему свету счастливого человека, но тщетно искали и вернулись. Лишь один из них сказал, что он видел счастливого. Все воскликнули: – Где же рубашка? – Он ответил: – У него ее не было.

***

Мастерская Варшама в 30-е годы находилась в медресе Шир-Дор. Она представляла собой совершенно темное, просторное высокое помещение с устоявшимся сырým и холодным воздухом.

Еще мастерская – темный зал мечети с дневным освещением из окна на большой высоте.

Старый город.

Жилище: пол – каменные плиты, отопления нет, керосиновая лампа (7-линейная). Никаких удобств, вода – из хауза.

Обстановка: старый расшатанный стол, табуретка, железная солдатская койка, покрытая стареньким застиранным байковым одеялом, небольшая подушка, тоненький ватный тюфяк.

На полу соломенная циновка, над худжрой деревянный настил с черной бахромой паутины. Оставаясь одна – не спала ночами и не гасила лампу. Казалось, на настиле закованный в цепи качается скелет и стонет страшно.

Мастерская – медресе Улугбека, просторное, холодное, совершенно темное, скупо освещенное сверху.

Если вы захотите встретиться с Варшамом, идите прямо в чайхану. Это

его излюбленное место. Чайхана всегда стоит в тени раскидистой кроны дерева возле либо хауза, либо журчащего потока канала (арыка). Стоило ему там появиться, как вокруг него собирался народ.

Он становился в центре беседы. Его рассказы были содержательны, интересны, остроумны. К тому же он обладал еще даром мастерского перевоплощения в любого знакомого – мужчину или женщину. Так, перед отъездом из Самарканда Саша Шакаров попросил его представить меня. Я согласно кивнула и тут же я, изумленная, как в зеркале, увидела себя! Широкий тяжелый шаг, набок склоненная голова. Все хохотали. Он подошел и обнял меня.

Правдивость, честность, талант блестящего рассказчика, эрудиция, остроумие, внимание и уважительность к собеседнику привлекали к Варшаму, сидящему в чайхане, широкий круг почитателей: художников, любителей живописи, писателей, журналистов, случайных прохожих рабочих, сельских жителей, архитекторов и др.

Чайхана обычно находилась в живописном месте, возле проезжей дороги и хауза или быстротечного арыка. Бесшумно и ловко чайханщик подает в чайниках горячий чай. Здесь в убежище от зноя и месте отдыха идет неторопливая беседа. Перед тобой по дороге движутся машины, арбы, велосипеды, семенит с ношей тихий, покорный ишачок, горделиво ступают верблюды.

Этот мир ночью дома Варшам воссоздаст в рисунках.

"Самаркандская серия", созданная Варшамом в конце 20-х и начале 30-х годов, – бумага и кисть. Это живая история Самарканда. В ней отражены все приметы времени в мастерских композициях с натуры тушью, акварелью и гуашью.

В чайхану часто приносили этюды, только что написанные с натуры на обсуждение. Много времени отдавал Варшам, внимательно всматриваясь, отмечая положительное в работе и отрицательное и давая советы для последующих работ. Так там обсуждались работы М. Калонтарова, Р. Тимурова и др.

Лучшие работы Рашида Тимурова были созданы им в период общения с Варшамом, – в совместных хождениях на этюды, беседах, обсуждениях. Таким же образом, под долгим и постоянным воздействием формировались художники Л. Агриян и М. Калонтаров. Высоко ценились критические замечания и советы Варшама по поводу свеженаписанных работ. Каждый день они приносили их ему на суд. Варшам говорил об их достоинствах и недостатках и давал советы на будущее, – чему надо больше уделять внимание.

Если работами Варшама восхищались и просили в подарок – дарил. Агриян часто просил у Варшама только что написанный им понравившийся этюд. Варшам не отказывал. Это были отличные этюды. Вкус у Агрияна был.

И в худжре шли обсуждения новых работ самаркандских художников. Подражания кому-либо из прославившихся резко порицались. Отрицательную оценку вызвала работа Г. Никитина "Женский портрет в шляпе", как не соответствующий современному женскому образу. Как подражательная Пиросмани совместная работа Г. Минасянца с Кашиной, как подражательная художнику Ф. Богородскому – холст В. Толя. Все авторы отчаянно возражали, утверждая собственную оригинальность. Особенно бурно, крикливо отрицала явную заимствованность Н. В. Кашина. Автопортрет Е. Каравай не обсуждали открыто, но вне присутствия Е. Л.⁵ осуждали за "красивенькость". Колхозные пейзажи Р. Агбальяна – говорили, что в них не чувствуется духа труда

⁵Елены Людвиговны (ред.)

дехканина. Не обсуждали колхозных этюдов П. Кускова, воспользовавшись наступившим поздним временем. Они были настолько слабы и невыразительны, что П. Кускова, очень впечатлительного и очень доброго товарища, боялись убить своей оценкой.

Я не преувеличу, сказав, что самые сильные, темпераментные и содержательные выступления по поводу выставок и новых сценариев, представляемых для постановок или вышедших на экран фильмов были выступления Варшама Еремяна. Выступления без скидок на "имена", заканчивающиеся бурной овацией присутствующих. Часто дома по ночам он сидел над новыми рукописями до самого утра, правя их.

Артист драматического самаркандского театра – Стрепетов, увидев, услышав выступление Варшама, пораженный и восхищенный им:

– Вот это – да! Вот это здорово!! Как здорово!!!

Выступал содержательно и страстно. Аудитория взрывалась бурными аплодисментами, топаньем, неистовым шумом, гулом оваций.

Я была очевидицей процесса создания картины "Воз сена", выросшей из графики "Самаркандской серии". Работая на Изофабрике, Варшам расписал стены чайного магазина. На стенах были изображены им сознательно по Гогену цветущие сады, красивые восточные женщины в теплом освещении помещения. "Портрет натурщицы" или он же "Женский портрет" (холст, масло), – поясной. Он писал его с девушки – жительницы Самарканда, которую случайно встретил на улице Старого города Саша Шакаров и уговорил за плату позировать. Есть небольшой маслом на фанере портрет Вазгена (племянника) – мальчика, приехавшего на каникулы в Самарканд.

И еще он начал писать портрет художника Р. Тимурова. Тимуров в

жизни выглядел сравнительно импозантным. Таким и начал писать его Варшам, предварительно сделав блестящий рисунок в карандаше (быстро и бесследно кем-то похищенный). Портрет остался незаконченным. По мере работы над живописным портретом Р. Тимурова, его преданного в то время ученика, характер решения видоизменялся. Как-будто автор предвидел нечто впоследствии, и образ застывал в его вопросительном недоумении.

***

1937. Варшам начинал декламировать "Дубовый листок оторвался от ветки родимой", на этом умолкал, как будто вставал комок в горле.

Он не раз с волнением вспоминал о межнациональной резне в Нагорном Карабахе, – бегство матери с детьми, спасающихся в пролетке от преследования и града камней. Дети были закрыты ее широким и длинным платьем. Когда погоня настигла их, Мать вскричала: "Разве ты не знаешь, кто я?!" и назвала фамилию известного богача-мусульманина. Пользуясь замешательством противника, приказала кучеру: "Гони во всю мочь!" Благодаря ее мужеству и находчивости они были спасены. Потом, когда Варшам станет зрелым художником, воспоминания об этом событии лягут в основу холстов "Моя Армения"⁶ (1934), где в колорите преобладает красный цвет огня и крови.

Беженцев из Нагорного Карабаха Узбекистан встретил ласково. Варшаму было тогда восемь лет. С этого времени он полюбил горячей любовью край, ставший его второй родиной. Уважительность к народу и постоянство не изменяли ему никогда.

Варшам рассказывает товарищам: Маленький он боялся воды, не шел в

⁶ входит в серию композиций «Воспоминания детства» (ред).

воду. Тогда дядя обхватил его и бросил в воду, приговаривая: "Плыви, Варшам, плыви!" Малыш захлебывался, барахтался, кричал, но только слышал в ответ спокойный и ласковый голос дяди: "Плыви, Варшам! Плыви!".

Рассказывая, Варшам перевоплощался в малыша, поразительно выражая мимикой падение в воду, испуг, растерянность, мольбу и отчаянные усилия выплыть.

Все хохочут.

Другой рассказ Варшама.

Дядя повел его в гимназию на вступительный экзамен. Дядя верил в него. Оба шли гордо. Но когда мальчика вызвали, кто-то из детворы, ожидающих своей очереди, дал ему под зад пинка. Оскорбленный и возмущенный, влетевший не мог вымолвить ни единого слова на вопросы экзаменаторов. Не помогли и дядины уговоры...

Пришлось сдавать на следующий год.

Варшам рассказывает:

В гимназии в сочинении он написал "переплетная птичка" и долго никак не мог понять, почему все смеются.

***

В экспедициях на съемках очередных фильмов, когда съемки должны были проходить на солнце, а день оказывался пасмурным и наступал простой, Варшам работал маслом над этюдами. В экспедициях на выбор природы в пути – делал карандашные зарисовки национальных строений и типажа.

Всю жизнь хранил уважение и благодарность к основным

преподавателям ВХУТЕМАСа, неизменно во все времена во всех документах, анкетах и автобиографиях записывал основных преподавателей – по рисунку С. В. Герасимова, по живописи – Р. Р. Фалька.

Круг товарищей Варшама составляли русские, армяне, татары, евреи, украинцы. Сам Варшам владел в совершенстве армянским и русским, читал и говорил на узбекском и таджикском. Пел армянские и узбекские песни. Танцевал узбекские танцы и армянские.

Работал Варшам над иллюстрациями к книгам С. Айни "Рабы" и "Старая школа" по рукописям на таджикском языке, контролируя себя и сверяясь со словарем.

1937 год. Самарканд.

Я полюбила кинофильм "Пэпо" Амо Бекназарова. Это была моя первая встреча с образами Армении. Варшам мне виделся родственным образу Пэпо с его мужеством и нравственной силой лидера.

В 1937 г. стала женой Варшама. А до этого мы переписывались и встречались в Москве. Младший брат Варшама Егише купил для нас два билета в Театр Мейерхольда на "Даму с камелиями" с участием Зинаиды Райх. Постановка была блестящей. Особенно поразили сверкающие драгоценными камнями глаза актрисы и вспомнились выразительные строчки Есенина: "Что же ты смотришь так синими брызгами?"

...В зрительном зале Варшам. Он плачет. Мне открылось тогда и покорило доброе сердце моего спутника.

Благодаря вниманию и заботе Егише слушали в Большом концертном зале им. Чайковского "Аппассионату" Бетховена. Варшам водил меня по

музеям. Были в Пушкинском музее. Водил и много рассказывал о живописи экспонатов. Очень большое впечатление произвела юбилейная выставка Рембрандта из собраний Москвы и Ленинграда.

Во второй половине 1937 г. увидела мастерскую, которую занимал Варшам в медресе Улугбека. Это было высокое, просторное полутемное помещение с прочно устоявшимся сырым и затхлым воздухом. Оно заменило мастерскую 30-х годов в медресе Шир-Дор, такое же высокое и просторное, холодное помещение. От проживания к тому же еще в полутемной худжре Тилля-Кари у Варшама страдали в первую очередь глаза. Они были у него всегда воспаленными. В мастерской Улугбека им был написан холст "Уроки анатомии". Мрачное изображение в черном цвете, – анатомирующие студенты.

В холостяцком жилище – худжре Тилля-Кари – Варшама на каменном полу была циновка, частично покрываемая сильно потертым старым ковром. Дневной свет проникал через застекленную верхнюю часть входной двери. Никакого признака отопления. Полутемь. Трудно было представить, как можно было здесь жить зимой. У Варшама глаза тогда были красные, воспаленные. Там стояла солдатская железная койка с легкой постилкой, жиденькой подушкой, покрытая застиранным байковым одеялом.

В нишах находились редкие книги.

Немного, но какие!!

Мастера искусства об искусстве, два тома.

В. А. Серов – Письма.

Кампанелла – Город солнца.

Григорий Гидони – Гюстав Курбэ.

Рене Пио – Палитра Делакруа.

Джорджо Вазари т. I и т. II.

Письма Ван-Гога.

Рубенс. Письма.

Н. Купреянов. Дневник художника.

Гоген – Ноа-Ноа.

Спиноза – Этика.

Жизнь Бенвенуто Челлини.

Амбруаз Воллар – Сезанн.

Эрнст Бергер – История развития техники масляной живописи.

Каталог выставки В. И. Сурикова.

Книги Лазарева.

Леонардо да Винчи. Книга о живописи.

Роден – Репродукции.

В других нишах же стояли пиалы и косы. Их тоже немного, разной емкости, редкостной красоты.

Когда Варшам уезжал из Самарканда в Ташкент в командировку, мне было страшно оставаться в худжре одной. Древние стены медресе рождали в голове легенды. Казалось, на деревянном пологе под потолком в черных толстых прокопченных тенетах стоит прикованный цепями скелет. Раскачиваясь, он скрипит и стонет. До утра не смыкала глаз и не гасила, привернув фитиль, небольшую керосиновую лампу.

Рассказывает младший брат Варшама – Егише: Варшам ушел из дома рано. Различия жизненных позиций с семьей сестры стали причиной ухода. Жизнь Варшама была наполнена творчеством, окруженьем друзьями и товарищами, обсуждениями в их кругу новых работ, беседами о современном

искусстве, о Востоке, о живописи старых мастеров, рассказами из своей жизни.

Варшам всегда много рисовал и даже юношеские его рисунки периода гимназии настолько выдержаны, что трудно поверить, что они выполнены не профессионалом.

В 1916 г. Варшам вместе с Л. Л. Бурэ вел кружок изобразительного искусства, который посещала тринадцатилетняя Адочка Корчиц, будущая жена Усто Мумина. Ее привел за ручку отец. В 1918-1921 годах Варшам – в числе ведущих в Изокоммуне, организованной О. К. Татевосьяном. В картине Татевосьяна «Изокоммуна» изображен трудовой процесс, и на втором плане огородов, с кетменями в руках, его коллеги – молодые преподаватели Варшам, Никитин, Вогман (слева направо). Среди «коммунаров» – будущих художников числились дети: Ашрафу Разыкову, например, тогда было около десяти лет. Рубен (Акбальян) и Сиддыки также являлись учащимися, но были взрослыми молодыми людьми.

В Ташкенте, работая на кинофабрике, Варшам параллельно недолго преподавал и замещал Татевосьяна во время его командировок в Москву в художественном училище.

Студия повышения квалификации молодых художников при Союзе художников создавалась при непосредственном участии и инициативе В. Еремяна, он же был в числе основных педагогов. Студия охватила большое число выпускников Самаркандского художественного училища и Ташкентского изотехникума. Тимуров и Разыков снова были в числе студийцев.

Сейчас, когда за окном шепчутся милые топольки-монашки, мне слышатся голоса, видятся друзья моей молодости. Мелкие детали оживляют их лица улыбкой, бесхитростным смехом, гримасой тревожной мысли.

Мне кажется, что доброта и талант – спутники.

В чайхане Жора (Никитин) объявляет: "Я сейчас расскажу анекдот!" Все замирают. Жора хохочет. Хохочет долго, а потом замолкает. Его спрашивают: "Ну, а где анекдот?" Жора отвечает: "Забыл!" (Розыгрыш. Повторяет не один раз).

Варшам играл в футбол 20 лет. Я видела его на поле лишь раз судьей. Не помню кто с кем играл. Отвлекалась пластичным легким бегом судьи, а рядом надрываясь кричал на кого-то, выходя из себя, всегда такой воспитанный и тактичный, аристократичный красавец Аветов: – "Са-пож-ник!!!"

Позднее до конца жизни оставался болельщиком.

Саша Аракчеев. 1933 г. Шли мы группами. Не помню о чем у нас шла речь, только помню, что я горячо воскликнула: "А я – никогда!"

Ко мне подскочил Саша и настоятельно горячо сказал: "Вера! Никогда не говорите "никогда".

Перед отъездом Варшама из Самарканда в Ташкент на постоянное жительство товарищи-художники задали ему вопрос: "Кто напишет наш коллективный портрет? "Саша Шакаров сказал: – "Я". Он сдержал свое слово, написав его впоследствии в Ереване по памяти. – "Кто напишет о нас словом?" Подумав, Варшам сказал: "Вера".

...Я пишу, как помню.

Ташкент.

Мирабадская 27. 1937–1945 гг.

Варшам приехал со мной в Ташкент по вызову из Ташкента, – оплачиваемое жилище, снабжение топливом, обстановкой. С самого начала войны, в 1941 г. все было отменено.

В маленькой каркасной пристройке частного дома было однорамное одно окно, дырявая, протекающая в дождь и оттепель крыша, коптящая семилинейная керосиновая лампа. В проходной комнате жили моя мать и сестра. На открытой веранде готовили и стирали в любое время года. Жили по карточкам. Хлеба не хватало. Голодали. – С жилищем и мастерской у Варшама так было всегда. 1945 - 1961 гг. Ташкент, ул. Хорезмская, 14. Две комнаты. Там же кухня. В подполье держали угли. Варшам работал по ночам в проходной. В коттедж, построенный для него правительством по ходатайству общественности, он въехал в 1961 г. умирающим.

Шла война. В Ташкенте на улице Мирабадской⁷ мы помещались в частной квартире Пикинасовых в двух комнатах. Первая – большая служила нам прихожей, спальней, столовой и кухней. Летом днем температура в них стояла до +40°. Нас уже было 6 человек, вместе с моей мамой, эвакуированной из Москвы, и моей сестрой из Термеза, поселившейся после мобилизации своего мужа.

Эскизы к к/ф "Навои" создавались Варшамом в маленькой комнатке каркасной пристройки, которую на это время мы освобождали от своего присутствия. Зимой в этой комнатке стоял невероятный холод и протекала

⁷ точное наименование: Большая Мирабадская; параллельно располагалась ул. Малая Мирабадская (ред.).

крыша, из-за чего подставлялась оцинкованная детская ванна. Коптила с наступлением темноты керосиновая с разбитым горлышком закопченная лампа. Варшам на маленькой скамейке устраивался перед стулом, к которому приставлял планшет с бумагой. Курил беспрестанно махорку, завернутую в старую газету, но сколько увлеченности и вдохновенья было на его лице.

Все эскизы декораций, костюмов, типажа к к/ф "Навои" были созданы Варшамом.

На съемках фильм "Навои" смотрелся очень красочным и богатым в цвете. Жалко было, что снимался черно-белым.

О Варшаме написал монографию А. С. Дихтяр, в ней он упоминает, что в учебные занятия ВГИКа вошли лекции разбора классических работ Еремяна в фильме "Навои". Эта монография лежит.

Варшам не признавал для себя никакой другой посуды для чая, кроме пиалы. А посуда без конца билась. Наконец пришлось пустить в ход собранные им еще холостяком, косы и пиалы, разной расцветки и емкости. Это были китайские – очень красивые. И я их разбила.

Складывая их горкой в полутемной кухонке, горка накренилась и все скатилось на пол в мелких осколках. Заняла денег на покупку, но на базаре посуды не оказалось, так что о том, чтобы скрыть беду не приходилось и думать. Жду Варшаму. Пришел поздно. Встречаю с улыбкой – рот до ушей. И с той же идиотской улыбкой сообщаю: «А знаешь, я всю твою китайскую посуду разбила», – продолжая улыбаться. Варшам встает из-за стола, берет у меня из рук полотенце, тарелку, говорит: "Я сам", – и тут же роняет тарелку. Тарелка бьется. Обычно, если он что ронял, у него, как заколдованные, ничего не разбивалось. Я безумно хохочу. Лицо у меня разглаживается, начинаю владеть

им и больше не улыбаюсь. Он молчит.

Утрата уникальной посуды была невозполнимой и очень чувствительна. Я не могу вспомнить, чтобы у нас в доме было бы что-нибудь подобное по красоте, но никогда и ни разу он не напоминал мне об этой истории.

Варшам бывал замечательным тамадой, живой, находчивый, обаятельный. В этой роли я его видела на свадьбе Саши Шакарова с Люсей Арзумановой, свадьбах родственников.

В застолье Варшам выпивал много, не теряя контроль над собой. Он был лучшим тамадой, красноречивым и остроумным, доводя гостей от смеха до упаду. Но лишь я видела дома его лицо, нечаянно застав в одиночестве, с выражением глубокого страдания.

Огороды. 1943 г. В годы войны Союзу художников отвели землю для огородов. Предстояло порушить дувалы ранее обжитых участков, а землю перекопать для посевов. Махали дружно и увлеченно кетменями. Мужественно не отставал от других в этом и В. Л. Рождественский. А Софья Николаевна, я видела, как волокла в одиночку огромное бревно...

Весь коллектив состоял из Татевосьяна, Тансыкбаева, его племянника Нурбека, Карахана, Подковырова, Рождественских, Венедиктова, Еремяна, Миленина, Яковлева, Кайдаловой, Есиповых, Лесной, Григорьянцев... Участки поделили, объединившись в бригады. Наши зеленые лица повеселели, стали обретать посвежевший, живой вид. Домой возвращались с кровавыми мозолями, баюкая гудящие от ломоты руки. Сажали картошку, лук, морковь,

свеклу. Опыта не было, но энтузиазм не остывал, и выращивали, часто не подозревая, что вырастет не то, на что рассчитывали. (На следующий год никто не согласился повторить огородный сезон).

Лето кончилось. Расходились с полными рюкзаками овощей, фруктов, прихватив вязанку хвороста. Варшам, не единственный из художников, кто писал там, уносил маленькие живописные картонки с уходящим солнцем.

Наутро, после присуждения Варшаму звания Народного художника он второпях одел старую несвежую рубашку вместо приготовленной мной чистой, на ходу оправдываясь: "У меня такая работа!"

Варшаму несколько не изменило высокое звание. Он оставался в быту не требовательным. На работе по-прежнему внутренне собранный, требовательным к себе и товарищам по работе, собственным примером снискав высокой нравственности авторитет, по-прежнему пренебрежительно относясь к еде, одежде, отдыху.

Ташкент 40-х гг. и последующие. Ценил, любил и особенно был привязан к Демуцкому, Татевосьяну, Рождественскому, Никитину, Ярматову.

Варшам иногда подолгу отсутствовал дома, не возвращаясь с работы. Где он? Я выходила за ворота усмирить тревогу и тоску. Тускло светили желтые фонари, тихим шепотом шелестели пыльные листья деревьев. Ярko мерцали и смеялись звезды.

Варшам никогда со мной не делился неприятностями.

– Я: Зачем ты в машине накрывал Юлдуз Ризаеву снятым с себя

пиджаком. Ведь потом – сплетни, сплетни, сплетни.

– В.: А мне наплевать. Важно, чтобы она во время съемок не простужалась.

Юлдуз Ризаева снималась в то время в роли Зухры в к/ф "Тахир и Зухра".

Даже о плохом человеке он старался не говорить плохо, внимательно всматриваясь, выискивая в поиске хорошее в нем.

– Я: Почему ты ни о ком не говоришь плохо? (Плохое обходилось молчанием).

– В.: Я сам – не ангел!

– Я: Почему ты никогда не лжешь?

– В.: (пожимая плечами) – Все равно правда скажется.

К/ф "Тахир и Зухра" был создан при активном участии Демуцкого и Еремяна вместе с постановщиком.

Композитор Козловский при озвучивании "Тахира и Зухры" поражался музыкальному слуху Варшамы.

Варшам плакал при известии о смерти Л. Л. Бурэ и К. Дорохова, и (позже) на похоронах Н. Ганиева. К счастью, сообщение о Дорохове оказалось ложным: он долго лежал в госпитале, потом снова ушел на фронт.

Никогда я не знала, каким будет написанный Варшамом этюд. Они поражали меня каждый, непохожестью с предыдущим. Варшам с большим вниманием и интересом выслушивал мое мнение, и не настаивал на своем. Я восторгалась, а его радовала моя оценка.

Об утраченных работах.

Серия очень удачных виадильских⁸ этюдов маслом была отдана Варшамом на Всесоюзную выставку. Ящик с работами (рассказывает Татевосьян) – даже не был раскрыт: то ли забыли, то ли решили не показывать (называли ответственное лицо). Эти работы вернулись в музей. Я была не раз у директора Ш. Хасановой, хотела получить их. Предлоги каждый раз были разные, так и не отдала, там, где будто хранились работы – закрыто, нет сотрудника и т.д.

Эпизоды разных лет.

1946. Мы находились в Самарканде. Шла съемка "Навои". Ашраф Разыков настойчиво и неоднократно приглашает к себе. Там в застолье хозяин произносит речь и тост, посвящая Варшаму, потом подходит к нему и целует ему руку.

Смотря на выставке работу О. К. Татевосьяна, Варшам отметил высокую культуру его живописи.

В последний год жизни Варшама я спросила у него, кого из узбекистанских художников считает лучшими. Он назвал троих: Волкова, Курзина, Рождественского.

⁸ Виадиль – живописный поселок в Ферганской долине, место съемок Ташкентской к/студии (ред.).

Варшам говорит: "Если художник за свою жизнь написал настоящие одну-две картины, – значит, он не даром прожил свою жизнь".

Варшам смотрит с восхищением на натюрморт Курзина "Бумажные цветы" (подарила нам Вера Владимировна). Утром следующего дня, всматриваясь в него: – "Черт знает, что такое!"

Самым сильным произведением в художественной литературе об искусстве Варшам называл "Неведомый шедевр" Бальзака.

Самым сложным явлением в мировом искусстве – Сезанна.

Восхищался и поражался книгой Соллертинского о музыке, – полным совпадением мыслям о живописи.

Детям своим Варшам дарил: кумган, редкие книги по искусству, Коран на арабском языке, альбом дореволюционного издания "Архитектура Регистана"⁹.

Дети уже взрослые. Варшам негромко и распевно читает нам лирику древней Японии, и мы в восторге от красоты образов и стихосложения. До его чтения эта красота нам не открывалась.

А жизнь ставила барьеры, зачастую непреодолимые. Он понял, что жизнь сумбурна и порой, вышагивая по комнате, с чувством декламировал:

"У каждого – своя дорога,
У каждого – свой путь.
Кому надо
Очень много (*голос усиливается*)

⁹ автор обобщил названия нескольких книг (ред.).

А кому хоть что-нибудь".

Так бывало в Ташкенте на улице Хорезмской, например, когда студия была "в простое" из-за бюджета или "сценарного голода". Варшам брался за оформительский заказ; тогда часть комнаты заполнялась банками с гуашью, окрашенной водой, кистями с цветными наконечниками от непромытой краски, листками бумаги с тональными пробами.

Варшам не мог, не умел, не справлялся с заказными работами. Пример этому холст "Джизакское восстание", который остался незаконченным. Расплатился за взятый аванс 12-тью листами лучшей графики 20 – 30 –х гг. – известны имена людей, которые списали их и поделили между собой.

Рассказывают, когда киностудия Узбекфильм переехала в новое, специально выстроенное здание, на дверях кабинетов появились красиво вычерченные таблички с надписями фамилий, именами – отчествами, должностями со всеми званиями и наградами. Варшам, уже имея в это время звание Народного художника, сорвал все надписи и сказал, что надо писать лишь фамилии, имена, отчества и должность.

Рассказывает Женя Пушин: В. Н. очень любил актеров Абида Джалилова и Табибуллаева. Гримировал их сам.

На роль кузнеца Шамахмудова в фильме "Ты не сирота" Варшам настойчиво рекомендовал и настоял снимать Абида Джалилова вопреки всеобщему убеждению, устоявшемуся по фильму "Навои", как характерного актера – злодея.

С этой ролью актер справился блестяще.

Варшама звал к себе в республику Кимягаров в Таджикистан, Сарьян, Бекназаров – в Ереван на заманчивых условиях, хотя жили мы тяжело, в жилище без элементарных условий, нужде. Он оставался до конца преданным Узбекистану.

Как менялось лицо Варшама, когда он отправлялся за город или пребывал на природе. Оно буквально озарялось радостью. Варшам был неутомим в походах за город настолько, что оставлял за собой "влачащийся коллектив".

С начала работы в кинематографе Варшам не оставлял живописи, графику, но времени на это доставалось мало. На живопись – отпуск. Из отпусков привозил небольшие этюды с натуры, написанные маслом на картоне. В них был живой, трепетный, любимый и неповторимый мир в приметах времени: природа, народ, труд, памятники зодчества, животные.

Из киноэкспедиции привозил путевые зарисовки с натуры. Возвращаясь из чайханы, рисовал по памяти сценки, типаж.

Даже зимой не сходил с лица загар.

Варшам не терпел в искусстве ничего приблизительного, легковесного, поверхностного. Агриян рассказывает: "Идем мы с ним, и я рассуждаю об искусстве. Он молчит. Я все больше и больше вдохновляюсь. Он продолжает молчать. Смотрю, он что-то шепчет, шевелит губами. Спрашиваю: что? что? В ответ слышу... выразительную тираду".

Необычайная популярность. Ташкент, Самарканд, Иссык-Куль, Ургут,

Кибрай, Агалык.¹⁰

Радостные возгласы: Варшам! Варшам Никитич!

Не всегда мог вспомнить, кто был, так обрадовавшийся встрече.

Отдыхал ли Варшам?

Только раз мы семьей выехали в его отпуск, свободный от съемок, в каникулы детей в Чапан-ату (Киргизия) на Иссык-Куле. Там, устроившись на постой, он оставлял нас на берегу озера, а сам уходил с этюдником. Как мучился он, оставаясь недовольным написанным. Новый по природе пейзаж с быстро меняющимся освещением не поддавался.

...У Пушкина в "Сказке о рыбаке и рыбке" есть такое начало: "Жил старик со старухой у самого синего моря". Я думала, что синее море тоже сказка и как поразила, увидев Иссык-куль на расстоянии синим.

Варшам не только владел искусством интересного и содержательного рассказчика, но и умел внимательно слушать собеседника. Дома у нас все говорили на русском. Приходившие товарищи также переходили на русский, понятный для всех.

Ул. Хорезмская. Соседи.

Хидоятов

Неожиданно появилась афиша о спектакле "Отелло" с участием Абрара Хидоятова. Знаменитый артист был уж на пенсии, и мы поспешили с группой студентов в старое здание театра Хамзы, об игре Хидоятова много наслышав. Пьеса шла на узбекском. ...Когда на сцену вышел немолодой Отелло, необычайной красоты – голова, руки, голос, все замечательные актеры

¹⁰ Ургут, Агалык – населенные пункты Самаркандской обл.; Кибрай – поселок в Ташкентской обл. (ред.).

померкли. Играл великий актер великую муку души, обманутой в любви. Переполненный зал замер, и только после занавеса и, не сразу пришедши в себя, взорвался шквалом аплодисментов.

Он умер вскоре, также неожиданно. Все восставало против этой вести! Бесконечно хлынувшие толпы безутешного народа к месту кончины до отказа заполнили улицу. Началась давка, и только конная милиция с огромными трудностями и тактом помогла избежать катастрофы.

Вспоминаю. Мы не первый год жили соседями. По утрам, когда улица пустела от спешащих на работу и по своим делам жителей, он каждый день выходил из своих ворот и, неспешно шагая, шел мне навстречу, если в то время я возвращалась домой. Он неотрывно смотрел на меня, но когда мы приближались друг к другу и я здоровалась, он никогда не отвечал, как будто не замечал, не видел меня.

Всегда один.

об А. Хидоятове.

Варианты черновиков.

Мы увидели великого артиста.

Потрясающей силы страдания души, утратившей веру в любви.

в зале стояла гробовая тишина

окации

отчаянно

неподдельно страдал, мучился

огромной силы

*немного тучный
как только заговорил, красота и страдания не отпустили
красота, благородство, глубоко выразительный голос Хидоятова-
мавра все было цельно, значительно, возвышенно и необычайной силы
захватывающе.*

Демуцкие.

О Д. П. Демуцком.

Мастерил что-нибудь по хозяйству, неизменно поддерживая в нем порядок и чистоту, монтировал фото, сочинял... Любил музыку, живопись, кинематограф. Рассказывал о себе, как хотел стать художником, но не удалось, занялся фотографией, стал оператором. Только не говорил, что был уж тогда Большим Мастером, снявшим с Довженко не один прекрасный фильм.

Оба Демуцкие безотказно отзывались на просьбы. В. М. немедля снимала с себя грелку, если кто-то просил ее, лишая себя облегчения от приступов болезни. Оба не терпели одиночества. Когда В. М. сбегала навестить кого-либо из знакомых, чаще всего в больницу, прихватив с собой передачу – съестного, обеспокоенный ее долгим отсутствием Д. П. стучался к нам...

Как будто радость доставляла Д. П. – ваша просьба помочь наладить что-то по хозяйству, чаще всего перегоревшую плитку, пламенившую тотчас с особой силой.

Страдали сами они без жалоб. У В. М. единственный сын был на фронте, сама мучилась тяжелейшими приступами гипертонии и язвы, у Д. П. – астма.

...В. М. очень любила малышей, весело и затейливо занимая их. Они к ней льнули.

Все талантливое было ими любимо, такой любовью, какой питается и плодоносит талант. Не пропускали ни одной художественной выставки. В годы войны, будучи в долгах, с какой радостью приобрели холст у Волкова "В грозу". Очень хотели иметь живопись Тансыкбаева (море с корабликом), но не одолели назначенную цену. В утешение себе на листке ученической тетради Д. П. нарисовал карандашом понравившийся у Урала мотив, прикрепив рисунок к стене.

Когда Варшам в последние дни пребывания в Ташкенте Демуцких сказал Татевосьяну: "Ваня! Подари Дане работу, он тебя так любит!" – Татевосьян откликнулся сразу. Д. П. сиял, получив в подарок и работы Варшама.

Конец войны застал Д. П. на крыше дома в нашем дворе. Сообщение по радио встретили радостно – высыпали во двор все соседи. Все соседи смеялись и плакали. Кричали Даниилу Порфирьевичу: "Война! Кончилась!!" Он не поверил и продолжал возиться на крыше с антенной.

Толпа провожающих соседей искренно горевала об их отъезде, как о разлуке с родными.

Нам были подарены Д. П.-чем топор, пила, чернильница, замечательные фотографии со всех нас, часть оформленных им в портреты под стекло, альбом фотомонтажа фильма "Насреддин в Бухаре", экземпляр режиссерского сценария "Алишер Навои" с наклейками к нему декораций Варшама, сатирическую поэму в стихах "Вуадилиада" о съемочной группе "Похождения Насреддина".

Скорее всего Д. П. остался бы снимать "Навои", но предложения от Ярматова не последовало.

Шли годы. Приходили обстоятельные письма Д. П. вперемежку с юмором, об освобожденном Киеве, о новых работах в кино. Потом уж писала одна В.М. и в наш теперь осиротевший дом, тоскливо – О Данечке, о нежных чувствах к нашей семье.

В наступившей для меня поре, как в осенней поре листопада, окружают меня потери. Только не подвластно времени погасить живую память о Демущих вместе со щемящей болью утраты.

И еще – музыка. У них было собрание пластинок с классической музыкой.

Много фотоснимков Д. П. посвятил красоте женского тела. Они были сняты в размытых тонах сепии и смотрелись как живописные картины.

Комната большая светлая с высоким потолком на солнечной стороне с белыми чистыми шторами и чистым некрашеным деревянным полом. Установка (экспозиция) вещей, порядок, неизменно поддерживался Д. П.-чем. Просторную комнату украшала шелковая во всю стену необычайная по красоте китайская маѳтерская вышивка – обезьяна, сосна... Огромное узбекское сюзане с крупным орнаментом - красного, черного цветов.

Ярматов.

Есть люди, несущие в себе дар внушения об избранности, силой воли располагая к себе и подчиняя. Из таких людей был Ярматов – восточный красавец огромного роста, прямой, решительный и смелый с зоркими печальными и внимательными глазами. Красота его привлекала полное внимание толпы, где бы он ни появлялся.

Он свободно и авторитетно высказывал свое мнение, независимо вел себя и решительно одерживал во всех трудовых и личных вопросах победу, не изворачиваясь и не лукавя. Он воспринимался сложно и противоречиво. Но основным, скорее всего, было невольное чувство к нему восхищения и уважения – его мужественной внешностью, бесстрашием, спокойной уверенностью и достоинством без признаков спеси, суеты, властолюбия.

Он был нашим ближайшим соседом по общежитию на Хорезмской – режиссер-постановщик и художественный руководитель киностудии Узбекфильм – Камиль Ярматович Ярматов, человек исключительной внешности и стремительной славы. Хобби были – охота, пес Арслан.

Не снижала уважения к нему нескончаемая вереница молодых красавиц, проходящих через его дверь, м.б. потому, что во время увлечения очередной из них он был с каждой неизменно почтительным, открыто появляясь лишь вместе с избранницей на съемках, просмотрах, всюду.

Камиль Ярматович в Варшаме нашел единомышленника и талантливого художника, с полной отдачей увлеченного работой. В. Н. ценил его доверие. Взаимная уважительность переросла в крепкую дружбу. Когда не стало Еремяна, Ярматов продолжал снимать фильмы с тем же сопутствующим ему взлетом славы, но сам он считал лучшим своим фильмом "Алишер Навои", созданным вместе с Варшамом. И никто так часто и всем сердцем, с любовью и преданностью не вспоминал о своем друге и единомышленнике, как Камиль Ярматович – с трибуны, экрана, прессы – до самой своей кончины.

Действие его магической внешности особенно памятно мне, когда мы втроем появились в здании Филармонии на гастролях в Ташкенте Вертинского. Внимание всех присутствующих неотрывно приковало к Ярматову.

К. Я. Ярматов однажды, будучи в гостях у Мелкумова высказался, что он не любит Маяковского: "это разве стихи", как будто езда по мостовой, выложенной булыжниками. Миша отреагировал настолько буйно, что чуть не опрокинул стол, и Ярматов вместе со Стэллой вынужден был быстро покинуть его комнату. Чтобы смягчить этот инцидент, будучи там Коралли стал читать на память Блока "Соловьиный сад". А Стэлла Ярматову и нам с Варшамом читала Омара Хайяма. И читала превосходно.

Варианты черновиков.

Все восприятие его было сложным. Но основным, наверное, чувством, которое невольно овладевало, было восхищение. И уважение. Восхищение красивой мужественной внешностью, бесстрашием, спокойной уверенностью и достоинством. Без признака спеси, суеты и властолюбия. Взгляд был серьезный и внимательный. Его слово было веским и твердым.

Частые недолгие увлечения женщинами не скрывал. Избранницы выглядели возвышенно, из-за его открытости, выражалась в почтительности и светившейся радости быть вместе.

Не поддельвался, не прятался, не скрывал. Держался и вдумчиво и раскованно.

То, что не шел на съемку когда администратор, поднявший на заре всю группу, заискивающе окликал его несколько раз: Камиль Ярматович! После молчания через закрытую дверь указание: Снимайте без меня! - воспринималось как закон с изумлением и подавленным возмущением.

Спешнев читал у нас Варшаму свой сценарий. Не помню, как назывался и о чем, только помню, что во время чтения я отчетливо видела экран и на нем читаемый Спешневым фильм.

У Ал. Спешнева был высокий вкус. По его просьбе Варшам показывал ему свою графику 20-30-х годов. Он безошибочно выделял из них самые сильные с тем, чтобы художник их ему подарил.

* * *

Мы жили в Главдоре¹¹ на ул. Хорезмской, половину этого помещения занимали киноработники с семьями – Ярматовым, Сабитовым, Жеймо, Витковичем, Ишевским, Демущким. Комнаты располагались друг против друга, разделенные узким коридором с окнами одного ряда комнат, выходящими на теневую сторону и противоположным рядом – на солнечную.

Мы с Демущкими оказались ближайшими соседями на солнечной стороне, где в жаркое лето комнатная t° была у нас одинаковая + 38°, подружились.

У Даниила Порфирьевича и Варшама ко времени состоявшегося соседства оставалась позади их совместная работа над фильмами "Насреддин в Бухаре", "Тахир и Зухра", скрепленная дружной увлеченностью и переживаниями за всем съемочным процессом.

Шли последние дни войны и первые после Победы со всеми трудностями времени и особо ценимой радостью общения.

На редкость дружная пара – любящие и преданные друг другу супруги Демущкие оказались самыми общительными и добрыми соседями. Чаше чем у

¹¹ здание Главного дорожного управления автотранспорта и шоссейных дорог по проекту архитектора А. Бабаханова (ред).

кого-либо у них толпился народ, слышался шум оживленных бесед, смех, стоило лишь стукнуть к ним в дверь, как она тотчас распахивалась, и с восторгом, цепко обнимая вас, Валентина Михайловна увлекала вглубь на старенький диван, со страстью извлекающая у вас новости (жадно поглощая новости), которые не шли дальше В. М-ны, говорящей, положила руку на сердце: "Могила!"

Даниил Порфирьевич был правдив, острит, смеялся, краснея при этом сам.

А. Н. Волков.

Об известном художнике Александре Николаевиче Волкове ходила громкая и разноречивая молва – о его личности, необычайной живописи, необычайном костюме. Он привлекал внимание встречных своим необычным видом.

Крепкая, ладная фигура, среднего роста, бледное одутловатое лицо, с короткой черной челкой из-под черного берета. Черные трусы открывали колени, черные гольфы и черная обувь. Никто так не одевался: летом – в черном да еще в трусах, но вскоре, присмотревшись, привыкли, он казался туристом.

Первый раз увидела его в Самаркандском изоучилище в начале 30-х годов. Занятия кончились, лишь в полутемном коридоре маячили несколько студентов. Ошеломляющий слух разнесся сразу: – Волков!

Художник осмотрел висящие на стене полотна, остановился возле одного и явно хотел о нем поговорить, оглядываясь с приветливым лицом на мгновенно застывшие на большом расстоянии и оробевшие фигуры. Но никто так и не посмел сдвинуться с места.

Шла война. Волков, встретив Варшаму с нами, рассказывал: "Мою полы, стираю, готовлю сам! Жена ослепла от недостатка сахара..."

Говорил, как будто не жаловался, как будто о чем-то незначительном, лишь временами отвлекающим его от мольберта, продолжающий внутренне крепко и радостно жить в мире рождения своих картин.

Софья Николаевна Рождественская позвала нас на "Овода". Она уже видела его и, потрясенная игрой Н. Симонова, из-за него пошла с нами во второй раз.

По ул. Советской, возле трамвайной линии, стоял мужчина в черном, освещенный солнцем. Что-то в нем виделось такое трагичное, одинокое, что я испугалась, буквально сжалось сердце – "помочь!" Вблизи оказалось – стоял Александр Николаевич и смотрел вдоль линии. Сказал, показывая на улицу: "Работаю. Посмотрите, красота какая!" Ни палитры, ни мольберта возле него не было¹².

На брань по поводу формалистических работ Волкова художник не отвечал тем же и не был завистлив к успеху товарищей. На очередной проработке он дружелюбно сказал (стенографическая запись): "Вы меня все ругаете, говорите пишу не так, а как писать никто не сказал".

У меня было очень тяжелое настроение. А. Н. Волков встретил меня на улице, пошел за мной, потом рядом, так до самого дома, говоря что «по пути», и все толковал – толковал, мол, какой Варшам очень хороший человек, справедливый, честный, талантливый, знающий, умный и т.д. без конца, смягчив мое состояние.

Ал. Николаевич, умирая, сказал Волику: "Пусть придут товарищи мои

¹² работа по памяти – творческий метод для выявления основного в натуре и достижения композиционного и цветового обобщения (ред).

и выберут себе по работе". Так у нас появилась в доме "Семья" – холст на фанере, масло.

Варшам подарил художнику альбом китайской живописи с надписью "Художнику и человеку мужественного сердца" (*пишу по памяти*).

Волик пригласил нас к себе в мастерскую посмотреть его работы. Потом – в дом. В доме – маленькой квартирке – безукоризненная чистота, убогая обстановка. Но какой роскошью, светом и радостью сверкали со стен ранние этюды Ал. Ник-ча.

Демущкий приобрел, несмотря на нужду и долги, холст у А. Н. Волкова "В грозу" за 7 тыс. – в ту пору это сумма была немалая. На картине – глухой темный лес с черными стволами деревьев и бегущими фигурками.

Варшам с Ласой долго не возвращались с обсуждения последней персональной выставки А. Н. Волкова. Около полуночи, обеспокоенная, не выдержала – пошла к Союзу художников. От встречной пары долетели обрывки оживленного разговора. Спросила, закончилось ли обсуждение. Мужской голос на ходу воскликнул: "Что Вы!! Резня в самом разгаре!".

В Ташкенте стоял дикий мороз с гололедом и сугробами. В Союзе художников были настежь открыты окна и двери. Народ сидел на подоконниках, висел на них снаружи, до отказа толпился в дверях и на крыльце, стояли и маячили вокруг дома. Пробриться в него было невозможно.

Между собравшимися художниками, искусствоведами, любителями живописи разных профессий шла жаркая схватка суждений о творчестве

художника, полных ненависти и отрицания, с полными горячей любви и признания.

Самого художника там не было – он умирал дома.

В день похорон Варшама много было взволнованных речей. Говорили о его значении как мастера, о его помощи молодым, о лучших фильмах с его участием, о человеческих качествах. Феодоридис вспоминал замечательные выступления Варшама на обсуждении последней выставки Ал. Ник-ча. Варшам говорил тогда о мужестве художника (дай бог каждому из нас) и закончил: "Волков жив! Жил! И будет жить! Время рассудит!".

***

Покидала Хорезмскую спустя 20 лет, мысленно оглядываясь на тех, кто бывал там и ушел раньше нас.

Что отличало Демущкого!

Честность, преданность работе, отзывчивость, скромность, юмор.

Гарибяна – интеллигентность в лучшем смысле этого слова: одухотворенность, воспитанность, порядочность, доброта.

К. Ярматова – исходящее от его явления совершенно необъяснимое внушение, что несмотря на явные противоречия природы он – крупная личность. Мужественность, красавец, бесстрашие (полное отсутствие робости). Непосредственная – естественная манера держаться: простота вместе с внутренними гордостью и достоинством.

Янина Жеймо – очаровательная и женственная. Серьезная, простая и вдумчивая, скромная в общении, никакого кокетства, самолюбования. Мечтала играть трагические роли, но рост... рост оказывался великой помехой.

А. Спешнев – когда читал свой сценарий – это было чистое без всякой примеси экранное воплощение, зримый фильм.

Рождественский – умница, талантлив, скромн. Не любил страшно, когда ему оказывали услуги из-за его инвалидности. Даже, например, закурить.

Софья Николаевна Рождественская – славилась у художников за пределами Ташкента. В Самарканде ее обожествляли, наделяли самыми драгоценными качествами, как красивую умную, душевную, высокой нравственности – Жену художника. Как человека и женщину самую высокую светлую необыкновенную в этом значении. Удивительно – с ней можно было молчать и чувствовать завораживающую живительную теплоту сочувствия, понимания и сопереживания.

О С. Н. Рождественской.

В 30-ые годы еще до встречи с Софьей Николаевной Рождественской от самаркандских художников я слышала единодушное их мнение, как о самой красивой женщине из всей художнической среды Ташкента в полном и высоком значении этого слова.

В Ташкенте увидела ее – крупную, пышную, статную. Розовое лицо, большие чуть навекате голубые глаза, пышные седые голубоватые волосы. Всегда чисто и аккуратно подтянута в добротной одежде. Больше молчала, спокойно и внимательно вглядываясь.

Как-то она показала несколько неудачных и незаконченных с нее

портретов работы Владимира Леонидовича. В них не было даже внешнего сходства. Так, наверное, неувиденно пишется со слишком близкого расстояния.

В квартире висело два больших портрета ее, написанных В. Фадеевым. До сих пор живо мое восхищение от одного из них. Она сидела, обернувшись к вам, и смотрела на вас – живая, красивая, значительная, со струящимся дымком от опущенной в руке папиросы. По ее словам, Фадеев, кроме этой работы, часто писал ее.

Занимала семья Рождественских из 5 человек одну комнату на Первомайской улице, служившей столовой, спальней, мастерской. Хозяйничали Софья Николаевна и Дарья Ивановна, мать Владимира Леонидовича. В этой единственной комнате всегда была блестящая чистота и порядок. Я не зря употребила выражение "блестящая", т.к. там все сверкало вымытое и вычищенное.

На столе против входа висела под стеклом репродукция – рисунок Матисса обнаженной женщины, лучшие работы Владимира Леонидовича – пейзаж, пейзаж, натюрморты. На полке – хорошая копия мраморного бюста Аполлона. На краешке стола, ничем не заставленного, лежала живая красивая пушистая кошка.

Предметов быта – кроватей, домашней утвари не было видно. Посредине комнаты, на мольберте стоял автопортрет В. Л-ча, похожий на автопортрет Ван Гога, и в работе, также на мольберте, большой холст "Дуэль Пушкина". Поражало впечатление просторного жилища. Как художнику удалось организовать таким образом пространство было непостижимо.

После кончины В. Л-ча дочь уехала в Сталинабад (ныне Душанбе), Дарья Ивановна в другой город к племяннику и С. Н. осталась жить одна. Но художники так же, как и раньше, в одиночку и потоком шли в этот дом. Так же

продолжались обсуждения и дискуссии по вопросам искусства, так же стоял столбом дым от папирос.

Вас встречала и обволакивала доброжелательность С. Н-ны, молчаливое сопереживание, чувство равновесия духа и такт.

Она призналась, что Владимир (как она называла мужа) все равно оставался, присутствовал и дышал с ней одним воздухом.

В полном одиночестве и тишине, глубокой ночью любила читать. Она вживалась в действие и картины, рисовавшиеся автором, и потом рассказывала мне об особенно поразившей ее сцене.

Какая сила духа была у этой женщины, если несмотря на горьких и неизменных спутников ее жизни житейских туч – нужды, болезней, инвалидности мужа, считать себя счастливой, как однажды она мне призналась?!

О художнике Рождественском еще не написано. О его кристальной честности, широкой культуре, таланте и мужестве.

У нее было максимально повышенное кровяное давление. Смерть уж витала над ней. "Хочу умереть, Вера, – говорила она, – зимой и чтобы снежинки падали мне на открытое лицо".

Она скончалась на ходу от инсульта, был зимний день и падал снег.

ВАРШАМ

В последние годы жизни Варшам курил особенно много, в день 2 пачки папирос. Семья и родные уговаривали "Нельзя так много! Опасно. Вредно". Он молча выслушивал и снова закуривал очередную папиросу. Когда же доктор Дубинчик сказал ему: "Рак", – он бросил тотчас же, но было уже поздно.

Варшам помещался в Сосновом бору, селе Степановском под Москвой, там, где стояла княжеская усадьба. Место очень красивое с живительным воздухом. Там Варшам делал зарисовки карандашом, пером, тушью. Ведущим врачом была Тамара Алексеевна Рогачикова, чудесный хирург и человек.

Бродя по Москве с Ласой, Варшам потратил последние личные деньги на редкие книги по искусству: "Пикассо" и "Словарь современного изобразительного искусства" на французском языке.

Ш. Р. Рашидов звонил по телефону из Ташкента в МОНИКИ лечащим специалистам: "Спасите Еремяна!" Ему отвечали: "Сделаем все, что в наших силах, но мы не Боги".

В онкологической больнице в МОНИКИ у него был альбом и карандаш. В нем он рисовал своих однопалаточников или, выходя на прогулку, окружающий пейзаж.

Когда возвращались из Москвы в Ташкент, в альбом по ходу поезда вносились зарисовки встречающихся селений посреди степи, верблюдов.

В МОНИКИ, лежа вытянувшись во весь рост так, что ноги его выходили в промежутки решетки спинки кровати, задумчивый и суровый, сказал мне: "Не так жил!"

То же самое сказал Ласе.

В Москву в больницу Варшаму писали письма Никитин, Агриян, Чернявский, Агзамов, Пушкин. Слали телеграммы и другие сотрудники киностудии с пожеланиями здоровья, возвращения на к/студию.

В больнице посетили его – Морозов, киноактриса Мосфильма Кокова, Роза Морген, Ира Коровай, Гарибян, Учкун Назаров, постоянно мои сестры Марочка с Тоней с передачами горячего обеда и соков. Часто бывал Гарибян. Посещали Б. Эгиз, Ася и Валя Жоссан. Были Карахан и Татевосьян, Ярматов. Приезжали Петров, Винер, Вучетич, Мартынов, много-много из давних и новых знакомств его деятельной жизни.

1961-1963 гг. По ходатайству общественности перед правительством – Ярматова, Хамраева, Бурханова, Джалилова и др. Варшаму построили коттедж. Дом "закончили". Он оказался с неутепленной крышей, печи отапливались углем, водопровод во дворе зимой замерзал. Но место для строительства выбирал сам Варшам, и оно было прекрасным. Вблизи киностудии на крутом берегу речки Бурджар. Добрые руки товарищей вскопали участок и принесенными саженцами посадили фруктовые деревья, цветы, кроме тех деревьев, что уже росли на этом участке, ореховые, абрикосовые, вишни, алчи.

Варшам просил не огораживать. "Буду писать". Заносил в альбом тушью окружающую местность, соседский дом, нашу улицу, окружающие пейзажи.

Ему пришлось жить недолго. В этом доме не жил, – умирал от рака гортани Варшам.

В один из последних дней Варшама посетил в Ташкенте друг детства по Самарканду и гимназии профессор Мелик-Карамян. Он не спрашивал больного, как тот себя чувствует. Шутил, смеялся, болтал, жестикулировал, внимательно отмечал реакцию на движение глаз больного и температуру, прикасаясь к рукам как бы шутя, похлопывая.

Когда он простился, Варшам сказал: "У меня сегодня хороший день, я забыл, что болен".

Он приехал специально, узнав что Учитель умирает. В. не открывал глаз, Маркел тихо вошел и тихо позвал его: Варшам Никитич!.. Варшам Никитич! Варшам повернул голову к нему и посмотрел молча, пристально, как-то как будто сквозь него и дальше. Маркел безудержно, взхлеб разрыдался.

С бесконечной благодарностью вспоминаю Федю Тюменева за его систематическое внимание к нам на протяжении всех лет знакомства и помощь со стороны киностудии перед кончиной и на похоронах В. Н.

С особой благодарностью вспоминаю талантливого артиста и доброго человека Шукура Бурханова.

В последний год к смертельно больному Варшаму приехал Ш. Бурханов с большим числом артистов. Артисты говорили теплые речи, декламировали, читали монологи. Все было содержательно и интересно. Варшам был очень тронут. На прощанье Ш. Б. горячо расцеловал Варшама.

С глубокой благодарностью вспоминаю Акмаля Акбарходжаева. Он выглядел тяжело больным – бледным, очень худым. Часто приходил к больному Варшаму. Он целыми днями пребывал у нас в саду, играя в шахматы с Варшамом, скрашивая его последние дни. Оба сидели углубленные в игру, голодные, молчаливые. Я не могла покормить Варшама при Акмале – процедура питания и само питание были особенно тягостными. Варшам стеснялся.

...Спустя годы после кончины Варшама Акмаль сказал:

– Таких, как Варшам Никитич, не было, нет и не будет.

Многочисленные телеграммы с соболезнованием были получены отовсюду, в числе их – правительственная от Ш. Р. Рашидова, от директора Ин-та Востоковедения Азимджановой. О кончине Варшама было сообщение во всех газетах Узбекистана и московской "Советской культуре".

Гроб с телом Варшама был установлен на киностудии. Народ шел прощаться. С большого экрана смотрел фотопортрет Варшама. Организована гражданская панихида. Многие плакали. В почетном карауле стояли Ярматов, М. Каюмов, Б. Федотов, Сабира Никитина.

Рахимбабаева подошла к сидящим родным и с искренней теплотой и сочувствием обняла каждого из нас.

Кончину В. Еремяна тяжело переживал К. Ярматов. Без Еремяна в последующих фильмах он не мог настроиться на съемки, так ощутимо не хватало сорежиссера. Режиссер часто выступал в печати – в "Возвращении", "Ленте времени", по телевидению, говоря о заслугах В. Н. Еремяна в области достижения успехов в узбекской кинематографии, в частности фильма

"Алишер Навои", отмеченного Государственной премией СССР, в которую вошли – Ярматов и актеры Хамраев и Исмаев. В. Еремян в этом списке не значился. Почему же тогда на это не возражал Ярматов?

Мать Варшама всегда во всем черном: платок, платье, чулки, туфли – все черное. Сильная физически, смелая, властная. Взрослые сыновья робели перед ней. С Варшамом была тихой, чуткой, молчаливой. Жалела, – "Не хитрый!", а когда умер – со скорбью: "Самый лучший", грозилась и ругала Бога: "Ты не Богом, ты – чертом! Зачем взял у меня самого лучшего?!"

О матери Варшама
Ханум Георгиевне Еремян.

Я встретила с Ханум Георгиевной Еремян, когда стала женой Варшама. Ей было 67 лет. Она имела крупную значительную внешность несмотря на будничное черное поношенное платье, черный платок, черные чулки и галоши.

Уходя из нашего дома, я всегда провожала ее на посадку в автобус и была свидетельницей, когда несмотря на ее затрапезное одеяние, все пассажиры вставали, приглашая ее сесть.

Помогала свекровь мне по дому, отсылая в баню. Возвращаясь, я встречала в доме покой, чистоту, тишину и приветливую улыбку Ханум. Пеленки были выстираны, полы вымыты, маленькая Ласа спокойно спит. Как только успела?! Я говорю: "Спасибо". Она возражает: "Не надо спасибо. Разве я тебе чужой?".

Тщетно свекрови хотелось чтобы мы (я и обе дочери мои) освоили армянский. Называла слова "ахчик", "матаг"¹³ и др., но дальше "Здравствуй", "Хлеб", "Я тебе жертвую" дело не пошло.

Неграмотная, она своим трудом вырастила сыновей и всю свою жизнь гордилась ими, кормила и беспокоилась, как о маленьких. Живя с дочерью, она готовила *(запись обрывается)*

***

Варшама рисовал Каневский, М. Калонтаров, Нестерова, Кайдалов, писал Р. Тимуров, Агриян (с фотографии, посмертно), А. Шакаров (в коллективном портрете), Синицкий и Назыров. Собирался писать В. Рождественский, но не успел из-за обострения болезни легких.

Портрет В. Еремяна художника Т. Оганесова.

Художник пришел писать портрет Варшама перед его кончиной, искренне сожалел, что не сделал этого раньше. Писал его в столовой при дневном освещении. Жили мы на улице Грозной (теперь называется ул. Юлдаша Агзамова). Была зима 1961 г. Варшам сидит, откинувшись на спинку дивана в задумчивой позе на фоне текинского ковра. Работая над портретом, Таджат написал созданный им фон в переливах красного цвета. Пока писал – шутил, болтал, смеялся.

Прекрасные художественные фотопортреты сделали кинооператоры Д. П. Демуцкий, А. М. Панн, М. П. Краснянский, запечатлев живое

¹³ дочка, девочка; дорогая (ред).

выразительное лицо деятельного, энергичного и жизнелюбивого Варшама в моментальных высокопрофессиональных снимках. Варшам не позирует и порой даже не подозревает, что его снимают, как, например, Саша Панн скрытой камерой.

***

О. К. Татевосьян, высоко оценивая этюды маслом Варшама, считал их чуть-чуть недоработанной картиной, лишь в части переднего плана, и настаивал на проработке (законченности) его.

Варшам молчал.

Много людей, после кончины Варшама побывало у нас дома. Интересовались работами. Показывали мы охотно. Одним нравилась живопись (П. Муратов, С. Чуйков, А. Иванов), другим – графика (И. В. Савицкий, А. Казанский, И. Спасский, И. Коровой), третьим – эскизы к фильмам ("Навои").

Фальбов, рассматривая листы, – иллюстрации к детской книжке: – Я бы! Я бы вот только одну такую повесил бы в музее на одну стену!!!

Мелания Ивановна Ткаченко упросила Варшама показать свои работы. Смотрит этюды маслом.

– Варшам Никитич! А где же солнышко и небо голубое?!

Варшам отвечает после паузы, тихо: – А разве здесь не бывает другого? Например, осенью или... когда расцветает урюк?

Лютфия Айни и Фальбов с восторгом рассматривают этюды маслом:
Осень. Цветет урюк.

– Какая правда!! Ведь у всех-то только солнышко и небо голубое!

Дима Иванов о графических листах 20-х – 30-х годов:

– И чего ищут другие?! Варшам Никитич все нашел.

Жора Никитин, у нас дома мечтательно посматривая на Биби-Ханым маслом, висевшую на стене:

– Варшам! Я бы хотел иметь такую.

Казанский о графике 20-30-х годов. – Ее надо открыть! Она выйдет на мировую орбиту.

Говорит Павел Муратов – искусствовед, декабрь 1967 г.

О живописи (этюдах):

– Он прирожденный живописец, "...удивительно верное чувство тона".

Прочитав, просмотрев альбом с записями и набросками (1934 г. Колхоз "Дехкон иттифоки"):

...– "большая культура художника".

О последних работах (смертельно больной художник за два месяца до кончины); две работы: бумага, чернила, вода, кисть.

"Из окна".

"... – Они необычайно наполнены жизненным трепетом".

О костюмах к к/фильму "Навои" ... – "Великолепны! И удивительны убедительностью и жизненностью образов".

Рубен Акбальян о рисунках кистью в альбоме последних дней из окна дома на ул. Грозной.

– Маленькие шедевры!

(говорит А. Б. Казанский)

После просмотра этюдов маслом. – Это хорошо, но график – Еремян – острее, выше, значительней, интересней.

Он же после просмотра эскизов к к/фильмам ("Навои" и др.)

– А я-то думаю, куда все ушло из 20-х – 30-х годов!? И убежденно:

– В кино!!

И. В. Савицкий считал графика Еремяна выше живописца Еремяна ("Там ему удалось полнее себя выразить").

***

Прошло более 30 лет после кончины Варшама, но он всегда с нами. Нет дня, чтобы мы не беседовали о нем.

В нашем доме при жизни Варшама побывали А. Фролов, Татевосьян, Крылов (Кукрыниксы), Дорохов, Рождественские, Кайдалов, Чуйков, Ледогоров-отец, Мелкумов, Гарибян, Спешнев, Виткович, Бетгер, Р. Г. Хейфиц, Ярматов, Шукур Бурханов, Лютфия Айни, Фальбов, Мелания Ткаченко, Никитин, Валерий Волков, Коровай Е. и И., З. Сабитов, Сухарева.

Варшам тепло называл хорошими парнями Женю Пушина и Рубена Минасова.

Варшам встречался и работал с замечательными людьми своего времени. Я была свидетельницей его выразительного рассказа о чтении Есениным (Варшам – студент ВХУТЕМАСа) "Пугачева".

С Фальком, с Древиным, с С. Герасимовым (его педагоги по ВХУТЕМАСу),

Кукрыниксами (учился во ВХУТЕМАСе и бывал вместе с П. Крыловым на этюдах в Самарканде),

Чуйков, Каневский (учился во ВХУТЕМАСе),

Фаворский (профессор ВХУТЕМАСа и виделся в Самарканде в годы войны),

Эйзенштейн – работал вместе над фильмом "Ферганский канал", сдавал в Москве эскизы по "Навои",

Протазанов – постановщик в Ташкенте "Насредина в Бухаре",

А. Эфрос – встречи Эфроса с художниками,

С. Айни – встречи по работе,

Мартынов,

Свердлин – по работе над фильмом "Насреддин в Бухаре" Протазанова,

Бекназаров – встречи в Узбекфильме (Бекназаров собирался снимать фильм),

А. Ржезников,

с Сарьяном в Москве, с Маяковским во ВХУТЕМАСе, с Луковым встречи на киностудии Узбекфильм, там же М. Ромм, бывшие в эвакуации.

Со Шкловским по работе над сценарием "Навои". С выдающимися замечательными артистами Узбекистана Абр. Хидоятовым, Абидом Джалиловым, Асадом Исмаатовым, Раззаком Хамраевым, Мукаррам

Тургунбаевой, Шукуром Бурхановым.

Спешневым, Демуцким, Гарибяном, Яшеном, Халимой Насыровой.

Жена кузнеца по фильму "Ты не сирота" – Лютфиханум Сарымсакова.

Миссионер христианства из США Джонсон. Писатель Бородин.

Часто приходили Демуцкие, Я. Жеймо. Бывали А. Джалилов, музыковед Кон, Рождественский, Кайдалов, Гарибян, Акмаль Акбарходжаев, Ш. Бурханов, Агбальян, Оганесов, Ковалевская, Тимуров, Шихалиев, Нарзи Мурадов, Салиха Никитина, М. и Э. Калонтаровы, А. Ермоленко, Патрашкин, Рахимбаев, Зебо Ганиева, Рузыбаев, Женя Кравченко, Зейнаб и Рустам Яушевы, Зеликов, Альберт Хачатуров.

Снобизма в нем не было. Помнил, но не Варшам рассказывал, что учился, общался, или встречался, или работал с замечательными людьми своего времени.

Да, он радовался, когда его любили, когда восхищались его работами, когда в дружеской, веселой беседе его рассказы вызывали дружный смех или наоборот, когда в полной тишине внималось каждое его слово.

Он был центром, притягивал к себе и сплачивал людей, в основном художников и других творческих работников. С ним стояла атмосфера полного доверия, дружелюбия, интереса к извечной теме природы искусства, истории, жизни. И каждый с ним и при нем открывался своей лучшей стороной, поднимался над сором и мелочами будней. Строгий и раздумчиво скорбный нередко бывал один на один.

Его выбирали в Правление Союза художников СССР, его выбирали в Правление Союза художников Узбекистана, его приглашали преподавать в

Театрально-художественный институт, его приглашал на лучших условиях Бекназаров в Ереванскую киностудию, его приглашал М. С. Сарьян в Ереван – заниматься живописью, Кимягаров в Душанбе на картину, настойчиво уговаривал уехать с Мосфильмом М. И. Ромм; ему дарили свои работы в альбомах и фоторепродукциях В. А. Фаворский, П. Крылов, Гудиашвили и Урарту, К. Дорохов, Ю. Корняков и местные художники – оригиналы с теплыми надписями "учителю", "другу", "с любовью". Но снобом он не был. Не рассказывал, не хвастался. Не шел в почетные ряды, молчаливо отказываясь от выборных, высоких должностей, от приглашений в другие республики, сознавая полную ответственность за свой труд в кинематографе нашей республики. Звание Народного художника Узбекистана не изменило его, оставаясь беспредельно честным, скромным и преданным работе, пренебрегая всю свою жизнь вниманием к условиям своей личной жизни и обеспеченности.

Он не всегда бывал сыт и по сезону добротню одет, не ждал, когда приедет машина за режиссером и ним на работу. В любую погоду – дождь, снег, ко времени начала работы убежал со словами: "Меня ждут рабочие" – и напрасно потом стучали в дверь: "Варшам! Машина!!" Варшама давно уж дома не было.

Мы все терпели, потому что знали всю меру его бескорыстия в работе, все забвение забот о себе и, глядя на это, не могли осуждать его за забвение о нас тоже.

Был ли он жизнелюбом? Конечно. Если веселился, то от всей души и заражал весельем окружающих. Без пошлости, скабрзности. Как наставник был строг и взыскателен.

Не охорашивался. Часто ходил небритый, в несвежей одежде. "Очень чистое", – подавала рубашку, энергично тянул одеванное – "у меня работа

такая" и никакие обстоятельства не могли погасить его готовности радоваться, но иногда...

Когда дали звание Народного, еще шла война. Пришел бледный, усталый и молчаливый. О награждении узнала от Краснянского, до его прихода он заходил поздравить. Я не выдержала: – "Поздравляю". Он потянулся ко мне, обнял и сказал: "Я ничего не знал, и рад, что оправдался перед вами".

О чем он безумно рыдал всю ночь, когда опытный специалист, отоларинголог прямо сказал ему: Рак! Боялся смерти? Нет. Он шел к ней три года, терпеливо и смиренно снося муки. Не открывая глаз, говорил, прощаясь: "Не плачь!" и "Поменьше обрядов!"

Здоровый, выносливый, жизнерадостный он видел, думается, себя в долгом большом и светлом пути творчества. А судьба распорядилась иначе, неожиданно заарканив в бездну.

Не успел осуществить, что было задумано. Не успел сделать, именно не «не смог», а не успел.

***

На вечере, посвященном 60-летию Варшама, Варшам, выступая уже тяжело больной, закончил речь такими словами: "Спасибо дехканину, который служил мне образцом в труде...".

Варшаму дарили книги и этюды с дарственными надписями "Другу и учителю" – М. Калонтаров, Лазарь Агриян, В. Синиченко, Н. Рахимбаев, Евг. Пушкин, Р. Тимуров. Фото со своих работ скульптор Урарту (Армения) – "Глубокоуважаемому", Корняков, Гудиашвили – "С уважением" на книге –

каталоге своих работ, Т. Жданко с надписью – датами памятных встреч с Варшамом, Аветов – этюд к/м., Крылов П. – этюд к/м., Дорохов – этюд к/м., Агриян – б/акв., Акбальян – 2 этюда к/м., Волков – "Семья", холст на фанере, масло, Куликова З. – офорт, Каневский – рисунок, Никитин – акварель, Ермоленко – портрет Варшама, бум., карандаш, Кайдалов – дружеский шарж, Татевосьян – х/м. ранние – Самарк.2.

Варшамом подарены свои работы:

Агрияну – бесконечное множество,

Калонтаровым,

Жданко – этюд масло

Есиповой – "-"

Куртуковой – "-"

Панну – "-"

Сабитовой – "-"

Рабиновичу – "-"

Спешневу – графика 20-30-х годов

и др.

О Варшаме написано в книге Ярматова "Возвращение", Спешнева "Бег времени", Хамраева – монография, Гарибян – в телефильме, Кадыра Мирмухамедова – в журнале "Кино", Чуйкова – в телефильме, Ибрагима Рахима в газ. "Правда Востока", Пушин Е. – жур. "Кино", Собберей, одна из первых сценаристов, посвятив Еремянку и его работе в Узбекистане по созданию фильма "Навои", написала дипломную работу.

Библиография В. Еремяна настолько обширна, что нет возможности

здесь все это уместить. Можно только еще упомянуть, что его имя вошло в Энциклопедию киноискусства, Энциклопедию Армении и Узбекистана, энциклопедический словарь - книгу "Народы мира".

Работы Варшама находятся в Музее искусств Узб., Музее Востока, Музее им. Пушкина, в Музее Айни, в Термезском краеведческом музее, в Ереванской Карт. галерее, в Музее киноискусства Узб., Галерее ХАМАР, Третьяковской галерее, Нукусском музее, в коллекциях дальнего зарубежья.

***

Примечания

"*Есть горечь нежная...*" – стихи Ш. Бодлера в переводе В. Левика

"*Я сожалею, что и ты...*" – поэт В. Шефнер.

Темуриды – правящие потомки Амира Темура

Медресе Тилля-Кари (1646/47 – 1659/60), медресе Шир-Дор (1619 – 1635/36), медресе Улугбека (1417 – 1420) и площадь Регистан (заложена в XII в.) образуют архитектурный ансамбль.

медресе – мусульманское духовное учебное заведение.

худжра – келья.

Изофабрика – официальное название: Художественно-

Производственные мастерские Пространственных искусств.

Чемберлен Остин – политический деятель Великобритании, занимал министерские посты. Будучи министром иностранных дел (1924 – 1929), занял инициативную позицию разрыва дипломатических отношений с СССР (1927).

маски – одна из форм агитационно-массового искусства политической и общественной жизни; использовались в протестных демонстрациях. Скульптурные маски, карикатурные, с конструктивистскими сдвигами применялись в интерьерах клубов, подчеркивая порицающее отношение народных масс к акции противника.

"*Золотому блеску верил...*" – стихи А.Белого "Друзьям".

сангвиник (латин.) – «человек, отличающийся (по своему темпераменту) быстрой возбудимостью, ярким внешним

выражением эмоций, легкой их сменяемостью». Словарь иностранных слов. Москва, изд. "Русский язык", 1979.

– о работоспособности Л. Бурэ в области газетно-художественной графики говорит такой факт, что если в журнале "Муштум" действовал коллектив художников, то в журналах "Машраб", "Мулло Мушфики" и "Бигиз" Бурэ чаще всего являлся единственным исполнителем насыщенно иллюстрированных выпусков.

Сатирические журналы: "*Муштум*" (узб. яз.) – "*Кулак*".

"*Машраб*" – Б. Машраб, узбекский поэт – вольнодумец, дервиш-суфий; известен в Средней Азии и Индии. "*Мулло Мушфики*" – А. Мушфики, Мулло Мушфики, таджикский поэт, родом из Бухары, служил в Самарканде. В его сатире отмечали народность и социальное недовольство. "*Бигиз*" (узб. яз.) – "Шило".

Е. Коровой и Г. Никитин – в то время супруги. В первом браке Коровой жена М. И. Курзина.

дувал – глинобитный забор

полное наименование книги Г. Гидони: "Гюстав Курбэ. Художник-коммунар. Жизнь и творчество. Политическая деятельность. С диалогом на отдельном листе об искусстве света и цвета". Издание лаборатории Света и Цвета. Ленинград, 1933.

"Пэпо" – к/постановка по одноименной пьесе Г. Сундукяна.

Автор сценария и постановщик А. Бек-Назаров. Оператор Д. Фельдман. Художники В. Сидамон-Эристов, С. Сафарян.

Композитор А. Хачатурян. Арменкино, 1935. Всесоюзный экран июнь 1935. *Пэло* – рыбак; в роли Г. Нерсесян.

"синими брызгами" – из стихотворения С. Есенина "Сыпь, гармоника. Скука... Скука...", сборник "Стихи скандалиста", 1923. – "*Что ж ты смотришь так синими брызгами?*".

Роман С. Айни "Рабы" (1932 – 1934) и автобиографический рассказ "Старая школа" (1934) в оформлении В. Еремяна изданы Таджикгосиздатом в 1935 г. на таджикском языке латинским алфавитом.

"Луна и грош" С. Моэма – в русском переводе первого издания "Луна и шестипенсовик" ("The moon and sixpence"). Прообраз главного героя романа художника Чарльза Стрикленда – Поль Гоген.

К/ф "Насреддин в Бухаре". Экранизация романа Л. Соловьева "Возмутитель спокойствия". Авторы сценария Л. Соловьев, В. Виткович. Режиссер-постановщик Я. Протазанов. Оператор Д. Демущкий. Художник В. Еремян. Композиторы М. Ашрафи, Б. Арапов. Ташкентская к/с, 1943. Всесоюзный экран август 1943. *Насреддин (Ходжа Насреддин)* – герой фольклора, остро слов, защитник обездоленных.

К/ф "Тахир и Зухра". Экранизация легенды. Авторы сценария А. Спешнев, С. Абдулла. Режиссер-постановщик Н. Ганиев. Гл. оператор Д. Демущкий. Гл. художник В. Еремян. Композитор А. Козловский. Ташкентская к/с 1945. Всесоюзный экран октябрь 1945.

Звание "Народный художник" в союзных республиках утвердилось

после вышедшего раньше, 16 июля 1943 г., Указа Президиума Верховного Совета СССР об утверждении почетного звания. "Народный художник Узбекистана" первому в республике, в апреле 1944, присуждено В. Н. Еремяну; второму, в конце того же года, – В. И. Уфимцеву.

"Овод" – экранизация одноименного романа Э. Л. Войнич.

Автор сценария Е. Габрилович. Режиссер-постановщик А. Файнциммер. Гл. оператор А. Москвин. Гл. художник Е. Еней. Композитор Д. Шостакович. Ленфильм, 1953. Всесоюзный экран апрель 1955. *Монтанелли* – кардинал, отец Артура ("Овода"); в роли Н. Симонов.

В 1926 г. В. Л. Рождественский перенес ампутацию правой руки с предплечьем (диагноз – саркома) и пережил клиническую смерть.

"Ферганский канал" (др. рабочее название "Великий канал") – исторический фильм. Автор сценария П. Павленко. Режиссер-постановщик С. Эйзенштейн. Гл. оператор Э. Тиссэ. Мосфильм. Приглашены от Ташкентской к/с режиссер З. Сабитов (ученик С. Эйзенштейна) и художник В. Еремян. Еремяном были выполнены и сданы эскизы костюмов.

События охватывают территорию Узбекистана от эпохи завоевания Чингизханом до 1939 г., стройки века – Большого Ферганского канала.

Производство к/ф прекращено в процессе работы.

Запуск кинофильма "Алишер Навои" планировался в 1941 г.

Первоначальное название "Великий Алишер". Эскизы художника были отправлены в Москву на утверждение и остались в Москве из-за условий военного времени. В течение последующих лет Ташкентская к/с при поддержке С. Эйзенштейна не оставляла желания осуществить к/картину. В. Еремян продолжал дополнять эскизы декораций, этим объясняются их датировки 1942, 1944, 1946 гг. В 1946 г. К. Ярматов добивается разрешения на съемку "Алишер Навои". Историко-биографический фильм. Авторы сценария А. Спешнев, И. Султанов, Уйгун, В. Шкловский. Режиссер-постановщик К. Ярматов. Оператор М. Краснянский. Гл. художник В. Еремян. Композиторы Р. Глиэр, Т. Садыков. Ташкентская к/с, 1947. Всесоюзный экран февраль 1948. Фильму присуждена Государственная премия II степени 1948 г.; личная премия режиссеру К. Ярматову и исполнителям главных ролей Р. Хамраеву (Навои) и А. Исмакову (Хусейн Байкара).

"У каждого своя дорога..." – поэт А. Безыменский.

Пиротехника в кино – важное художественное средство, техника изобразительных эффектов, достигнутых путем имитации вспышек и возгораний. Так, в фильме "Два бойца", поставленном москвичами на Ташкентской к/с (режиссер Л. Луков), атмосфера боя, войны, взрывов достигнута съемками в мирном Ташкенте. Пиротехник Ф. Тюменев проявил себя незаменимым специалистом, как и

впоследствии при создании многих военно-патриотических и исторических кинолент Ташкентской студии (последующее наименование "Узбекфильм").

На полях рукописи приписка: "Хачикянц А. в памятные дни утраты, вспоминая его, говорил: "Это был верблюд, который терпеливо и неустанно работает, обходясь без пищи". – Ассоциация с инсценировкой, разыгрываемой В. Еремяном, "Верблюд и поезд", вынесенной из юношеских наблюдений жизни в Туркмении. О даре художника к перевоплощению говорится в основном тексте. *Хачикянц* – начальник АХО Главдора и домком дома № 14.

– "Я благодарен дехканину..." – цитируется часть фразы, далее звучало: "... и моей жене, – трудно, товарищи, быть женой художника".

Именной указатель

- Абдуллаев Абдулхай Аксакалович* (1918 – 2001), живописец.
- Абдуллаев Лутфулла* (1912 – 2000), живописец, график, в кино – художник по костюму.
- Аветов Михаил Никиевич (Микаэл Мкртичевич)* (1894/5 – 1972), живописец, график.
- Агбальей* (часто употр. написание в прессе 1920 – 1930-х гг., позднее – *Акбальян Рубей Агабекович* (1903 – 1986), живописец, график, художник декоративного и монументально-оформительского искусства.
- Агзапов Юлдай* (1909 – 1985), кинорежиссер и актер.
- Агрияй Лазарь Самсойович* (1911 – 2002), живописец, график.
- Азимджайова Сабохайн Азимджайовна* (1922 – 2001), историк Востока; директор Института Востоковедения АН Узбекистана.
- Айни Пютфия Садриддийовна* (р. 1931), искусствовед. Жена художника П. И. Фальбова.
- Айни Садриддий* (1878 – 1954), классик таджикской и узбекской литературы, ученый (первый Президент АН Таджикистана и почетный член АН Узбекистана), общественный деятель.
- Акбарходжаев Акмаль Ахрафович* (1926 – 1992), кинорежиссер.
Амир Темур (1336 – 1405), полководец, родом из г. Кеш (Шахрисабз), создатель государства со столицей в Самарканде.
Айцева Мария, художница, (жена врача г. Бухары).
- Аракчев Александр*, живописец, художник-оформитель. Репрессирован в 1930-х гг.

- Арайов Борис Александрович* (р. 1905), композитор.
- Арзумапов Вазгей Арменакович* (1927 – 1988), племянник В. Н. Еремяна. Впоследствии артист драматического театра.
- Арзумапова Лусий (Люся)*, живописец, скульптор. В описываемое время жена А. Н. Шакарова.
- Ахмафов Чингиз Габдурахмамович* (1912 – 1995), живописец, график, художник декоративного и монументального искусства; работал в кино.
- Ашрафи Мухтар Ашрафович* (1912 – 1975), композитор.
- Бабахайов Абдулла Бабахайович* (1910 – 1990), архитектор.
- Бальзак, Оноре де* (1779 – 1850), французский писатель.
"Неведомый шедевр", входит в эпопею "Человеческая комедия" раздел "Философские этюды".
- Баратынский Евгений Абрамович* (1800 – 1844), русский поэт. "Мой дар убог...", стихотворение.
- Бафов Яков Александрович* (1914 – 2004), живописец, график. В описываемое время студент Ленинградской Академии художеств.
- Безымейский Александр Ильич* (1898 – 1973), поэт из круга общения с В. В. Маяковским. В. Еремян был знаком с ним по ВХУТЕМАСу и говорил о нем как о художнике. "У каждого своя дорога ...", стихотворение.
- Бек-Назаров Амо (Амбарцум) Ивайлович* (1892 – 1965), кинорежиссер. Творческую деятельность начинал художником-графиком.
- Белый Андрей* (1880 – 1934), настоящее имя *Бугаев Борис Николаевич*, русский поэт и прозаик, теоретик символизма. «Друзьям», стихотворение.

Беньков Павел Петрович (1879 – 1949), живописец, график, художник театра.

Бефгер, Эрнст "История развития техники масляной живописи".

Бейгер Евгений Карлович (1887 – 1956), библиограф Средней Азии.

Бетховен, Людвиг ван (1770 – 1827), немецкий композитор.

"Аппассионата", соната.

Блок Александр Александрович (1880 – 1921), русский поэт и

драматург. "Соловьиный сад", поэма.

Богородский Федор Семейович (1895 – 1959), живописец, график.

Бодле, Шарль (1821 – 1867), французский поэт. "Разбитый колокол", стихотворение.

Бородий Сергей Петрович (1902 – 1974), писатель, фольклорист, переводчик восточной литературы. Профессионально рисовал (окончил Высший литературно-художественный институт им. В. Я. Брюсова).

Брюсов Валерий Яковлевич (1873 – 1924), поэт, прозаик, драматург, литературный критик и переводчик... *имени Брюсова*.

Бурхайов Шукур (1910 – 1987), артист театра и кино.

Бурз-Леон (Леонард) Леонардович (1887 – 1943), живописец, график,

плакатист; участвовал в соавторстве в создании монументальных скульптур.

Вазари, Джорджо (1511 – 1574), итальянский художник и мемуарист.

"Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих".

Ван Гог, Винсент (1853 – 1890), голландский художник. "Письма", в 2-х томах.

Венедиктов Александр Михайлович (1913 – 1981), живописец и график.

Вертийский Александр Николаевич (1889 – 1957), русский поэт и певец,

артист театра и кино, деятель театра, писатель-мемуарист.

Вийер Александр Ефимович (1922 – 1992), живописец.

Виткович Виктор Станиславович (1908 – 1983), киносценарист, журналист.

Возман Михаил Соломонович (1896 – 1964), живописец, график, плакатист.

Войнич (урожденная Буль), Этель Лилиай (1864 – 1960), английская писательница. "Овод", роман; одноименная экранизация.

Войков Александр Николаевич (1886 – 1957), живописец, график, плакатист, художник театра.

Войков Валерий (Волик) Александрович (р. 1928), художник (живописец, график, художник по костюму) и искусствовед.

Волла, Амбруаз (1865 – 1939), французский художник-антиквар, автор книг об импрессионистах и постимпрессионистах. "Сезанн", монография.

Вучейич Евгений Викторович (1908 – 1974), скульптор.

Габрилович Евгений Иодифович (1899 – 1993), киносценарист.

Ганидзе Наби (1904 – 1953), кинорежиссер и сценарист, артист кино. До прихода в кинематограф окончил рабфак ВХУТЕМАСа.

Ганидзе Зибахой (Зибо) Пашиадзена, актриса; в годы II мировой войны прославленный боец-снайпер.

Гарибяй Грайр (Григорий) Арапович (1904 – 1978), кинооператор.

Ге Николай Николаевич (1831 – 1894), русский художник.

Герасимов Сергей Васильевич (1885 – 1964), живописец, график.

Гидоин Григорий Иодифович (1895 – 1937), художник-график. "Гюстав Курбе", исследование Лаборатории Света и Цвета.

Гийзбург Александр Озипович (1916 – 1973), художник (окончил

Самаркандское художественное училище) и режиссер. Работал в театрах Узбекистана; в течение 14 лет главным режиссером Государственного драматического театра им. Хамзы.

Глиэв Рейнгольд Морицевич (1874/75 – 1956), композитор.

Гогей, Поль (1848 – 1903), французский художник.

"Ноа-Ноа". Путешествие на Таити.

Грибоедов Александр Сергеевич (1794 – 1829), русский писатель.

"Горе от ума", комедия.

Григорьяйцы: Константиний Георгиевич (1876/77 – 1955), живописец;

Залеская В. К. (см), дочь К. Г. Григорьянца.

Гудиашивили ЛадозВладимир Давидович (1896 – 1980), живописец, график, художник театра.

Делакруа?Эжсей (1798 – 1863), французский художник.

Демуйкая Валентийа Михайловна (ум. 1975).

Демуйкий Даниил Порфирьевич (1893 – 1954), кинооператор и фотохудожник; владел навыками декоративного и прикладного искусства.

Джалилов Абид (1896 – 1963), артист театра и кино.

Джонсон, миссионер.

Дихтяв Александр Соломонович (р. 1917), художник кино, живописец, график; автор публикаций о специфике кино.

Довсейко Александр Петрович (1894 – 1956), художник (учился в Мюнхенской Академии художеств), работник дипломатической службы СССР, впоследствии кинооператор и режиссер, сценарист и писатель.

Дорохов Константиний Гаврилович (1906 – 1960), художник-график.

Древин (Древиньш) Александр Давидович (1889 – 1938), живописец, график.

Дубийчик, врач.

Дужович, художник.

Дюма?сын: Дюма, Александр(1824 – 1895), французский писатель.

"Дама с камелиями", роман; одноименная постановка по роману.

Еней Евгений Евгеньевич (1890 – 1971), художник кино.

Еремай Варшав Никитович (1897 – 1963), живописец, график, плакатист, художник театра и кино. Имя "Варшав" в 1920 – 1930-х гг. использовалось в подписи произведений и в прессе употреблялось вместо фамилии.

Еремай Егшиш Никитович (1904 – 1984), архитектор. В начале 1920-х гг. – участник художественных выставок в Самарканде, затем учился на рабфаке ВХУТЕМАСа и окончил Московский архитектурно-строительный институт.

Еремай Ларида (Лада) Варшавовна (р. 1938), востоковед-индолог. Дочь В. А. Жосан и В. Н. Еремяна.

Еремай Хануш Георгиевна (1870 – 1971), крестьянка. Мать В. Н. Еремяна.

Ермоленко Александр Сильович (Силыч) (1890 – 1975), живописец, график, художник-оформитель.

Ермоленко Антонийа (Тося), в описываемое время жена А. С. Ермоленко.

Ермоленко Мария Федоровна, жена А. С. Ермоленко.

Есейин Сергей Александрович (1895 – 1925), русский поэт, драматург.

"Сыпь, гармоника. Скука...Скука...", стихотворение;

"Пугачев", поэма.

Едипова Ольга Николаевна (р. 1903), искусствовед.

ЖданкоТатьяна Александровна (1909 – 2007), этнограф.

Жеймо Яниша Болеславовна (1909 – 1989), киноактриса.

Жосай (первоначально *Жоссан*) *Антонийа Авраамовна* (1903 – 1996), врач.
Сестра В. А. Жосан.

Жосай (первоначально *Жоссан*) *Вефа Авраамовна* (1912 – 1997), автор публикуемых записок.

Жосай (первоначально *Жоссан*) *Марий Авраамовна* (1901 – 1980), врач.
Сестра В. А. Жосан.

Жоссай Авраам Митрофайович (1860 – 1935), архивариус. Отец автора.

Жоссай (урожденная *Руван*) *Анастасия (Ася) Степайовна* (1918 – 2006), инженер. Жена В. А. Жосана.

Жоссай Валентий Авраамович (1910 – 1965), инженер. Брат В. А. Жосан.

Жоссай-Кудийова Евдокия Африкайовна (1881 – 1956), из крестьян. Мать автора.

Залецкая (урожденная *Григорьяйц*) *Вефа Константиновна* (р. 1908), живописец, график, художник-оформитель.

Зейков Виктор Петрович (1922 – 1979), живописец.

Ибрагим Рахия (1916 – 2001), настоящее имя *Рахияов Ибрагим Абдурахмаевич*, писатель, общественный деятель, в описанное время директор к/с Узбекфильм.

Иванов Алексей (Леня) Николаевич (1905 – 1986), скульптор, живописец, плакатист.

Иванов Анатолий Алексеевич (р. 1929), востоковед-иранист; сотрудник Эрмитажа.

Иванов Дмитрий, художник.

Ильф Илья (1897 – 1937), настоящее имя *Файнзильтберг Илья Арнольдович*, писатель. "Двенадцать стульев" и "Золотой

теленек", сатирические романы, совместно с Е. Петровым (см).

Исмаилов Асад (1907 – 1953), артист театра и кино.

Ишантураева Сафа Абдурахмаевична (1911 – 1998), актриса театра и кино; общественный деятель,

Ишевский Михаил Семейович, должность – директор кинокартины.

Казайский Александр Борисович (р. 1931), геофизик. Близок кругу московских художников.

Кайдаев Владимир Елпидифорович (Иванович) (1907 – 1985), график, живописец, плакатист.

Кайдаева (урожденная *Сейкина*) *Лидия Кузмийична* (1910 – 1976), график, живописец.

Калонтаров Маркел Израйлевич (1908 – 1994), живописец, график, художник-оформитель.

Калонтаров Эмонузль (1932 – 1984), художник кино, живописец, график.

Кампанелла, Томазо (1568 – 1639), итальянский философ-утопист.

Каневский Аминодав Моисеевич (1898 – 1976), художник, график, плакатист.

Карахай Николай Георгиевич (первоначально отчество *Григорьевич*) (1900 – 1970), живописец.

Кайина Надежда Васильевна (1896 – 1977), живописец, график, плакатист.

Каюлов Майик Каюлович (р. 1912), кинооператор; директор Ташкентской к/с документальных и хроникальных фильмов; общественный деятель.

Келин Петр Ивайович (1877-1946), живописец и график.

Кимягаев Бенсий Ариевич (1920 – 1970), кинорежиссер. Занимался живописью в Самаркандской изостудии у М. И. Калонтарова.

Ковалевская Зинаида Михайловна (1902 – 1979), живописец.

Козловский Алексей Федорович (1905 – 1977), композитор.

Кокова Тамара Акайевна (р. 1934), киноактриса.
Кон Юзеф Гейманович (1920 – 1996), музыковед.
Корабли В., поэт, артист эстрады.
Корняков Юрий, живописец и график. Погиб в народном ополчении под Москвой.
Коровай (в прессе 1920 – 1930-х гг. часто *Каравай*) *Елея Людвиговна* (1900 – 1974), живописец, график, художник театра и декоративного искусства.
Коровай Ирида Георгиевна (р. 1935), художник-график. Дочь Е. Л. Коровай и Г. Н. Никитина.
Корчиц Ада (Аделаида) Евгеньевна (1905 – 1974), жена А. В. Николаева (Усто Мумина). Рисовала (занималась ребенком в Самаркандской изостудии у Л. Л. Бурэ и В. Н. Еремяна). Училась в медицинском институте и Ташкентской консерватории (не окончила по семейным обстоятельствам).
Кравченко Евгений Николаевич (р. 1937), живописец, график, художник декоративного искусства.
Красняйский Михаил Порфирьевич (1908 – 1986), кинооператор.
Крылов П. Н. – см. Кукрыниксы
Крыльская Нийа Константиновна (1917 – 1999), живописец и скульптор
Кукрыниксы. Содружество художников, выступали под псевдонимом (КуКрыНикСы) с 1925 г.
Куприянов Михаил Васильевич (1093 – 1991), *Крылов Порфирий Никитич* (1902 – 1990), *Соколов Николай Александрович* (1903 – 2000). Живописцы, графики, плакатисты, авторы публикаций по вопросам искусства и мемуаров. В творческой деятельности работа в театре,

объемная пластика (куклы и портреты), публицистика.
Куликова Зоя Васильевна (1905 – 1974), живописец и график.
Куприянов Николай Николаевич (1894 – 1933), художник-график. "Дневники художника", путевые очерки и зарисовки.
Куприянов М. В. – см. Кукрыниксы.
Курбе? Гюстав (Жан Дезире Гюстав Курбе) (1819 – 1877), французский художник.
Курзин Михаил Ивайлович (1888 – 1957), живописец, график, художник театра, художник декоративного и монументального искусства.
Куртукова Лидия Сергеевна (1912 – 1991), художник-график.
Кусков Петр Аполлонович (р. 1897), живописец, график.
Кучис Ян Казимирович (1895 – 1975), скульптор.
Лазарев Виктор Никитич (1897 – 1976), искусствовед, историк искусства.
Ларьков Ивай Васильевич (р. 1916), живописец, художник театра.
Левик Вильгельм Вениаминович (1907 – 1982), художник (учился во ВХУТЕМАСе; член Союза художников). Переводчик западноевропейской поэзии.
Ледогозов Вадим, военный служащий, в описываемое время в чине полковника. Консультант военно-патриотических и исторических фильмов Ташкентской к/с и Мосфильма. Занимал должность Ответственного секретаря Союза художников Узбекистана.
Лейтус Вефа Владимировна, жена М. И. Курзина. Окончила Ташкентское художественное училище, преподавала в школе.
Леонардо да Винчи (1452 – 1519), итальянский художник и скульптор, архитектор, ученый. "Книга о живописи".

Лефмонтов Михаил Юрьевич (1814 – 1841), русский поэт, прозаик, драматург и художник. "Листок", стихотворение.

Лесная (Емельяйова) Татьяна Сергеевна (1907 – ум. в годы войны, после 1943.), живописец, художник театра.

Луков Леонид Давыдович (1909 – 1963), кинорежиссер.

Мартынов Леонид Николаевич (1905 – 1980), художник (сибирская группировка "Червоная тройка", позднее учился во ВХУТЕМАСе). Поэт и прозаик.

Матисс, Анри (1869 – 1954), французский художник.

Машираб Бабарахили (1657 – 1711), узбекский поэт.

Маяковский Владимир Владимирович (1893 – 1930), художник (учился в частной студии П. И. Келина и МУЖВЗ) и поэт, драматург, киносценарист и артист, публицист, деятель культуры широкого фронта.

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874 – 1940), режиссер театра и кино, артист, автор статей по проблемам режиссуры.

Мелик-Карамая Артавазд Саркидович (1898 – 1970), врач.

Мелкулов Михаил Аркадьевич (1919 – 1995), писатель, киносценарист.

Милейин Сергей Михайлович (1903 – 1966), художник театра.

Минадов Рубей Аркадьевич (ум. 1991), художник.

Минасяй Гаффи (Массойц Гарри Георгиевич) (1904 – 1970), скульптор, художник декоративного искусства.

Мирмухамедов Кадыр Миркасымович (р. 1920). журналист, переводчик художественной литературы, писатель-драматург, деятель кинематографии.

Морген Роза Соломоновна, сестра М. С. Вогмана.

Морозов Владимир Алексеевич (1902 – 1979), кинооператор.

Москвич Андрей Николаевич (1901 – 1961), кинооператор.

Мозм, Сомерсет (Уильям Сомерсет Мозм) (1874 – 1965), английский писатель. "Луна и грош", роман.

Мурадов Нарзулло (р. 1939), ганчкор, архитектор. Внук Усто Ширина Мурадова.

Мурадов Ширий (Усто Ширин Мурадов, 1879 – 1957), ганчкор (мастер резьбы и росписи по ганчу), архитектор, ученый (почетный член АН Узбекистана).

Мурашов Павел Дмитриевич (р. 1934), художник и искусствовед.

Мушфики Абдурахмай (Мулло Мушфики Абдурахмай) (1538 – 1588), таджикский поэт.

Навои Алишер (Навои Низаметдин Мир Алишер) (1441 – 1501), узбекский поэт (писал на тюркских языках и фарси), философ, государственный деятель.

Назаров Учкуй (р. 1934), писатель, кинорежиссер.

Назыров Анвар Абдулхаевич (р. 1918), художник-график, плакатист.

Насырова Халима (1913 – 2003), оперная певица, снималась в кино; общественный деятель.

Нерсесяй Рафия Нерсекович (1895 – 1961), артист театра и кино.

Нестерова (Нестерова-Берзина) Мария Александровна (1897 – 1965), живописец, график, плакатист, художник рекламы и декоративного искусства.

Никишин Георгий Николаевич (1898 – 1963), живописец, график, плакатист, в кино – художник по костюмам. Исследователь и реставратор декора культовых памятников ислама.

Никишина Сабира Георгиевна (р. 1945), востоковед-арабист и иранист. Дочь

С. Шириновой и Г. Н. Никитина.

Николаев Александр Васильевич (псевдоним *Усто Мумий*, 1897 – 1957), живописец, график, плакатист, художник театра и монументальной росписи.

Оганевова Тачат (Таджат) Амаякович (1922 – 1991), живописец.

Омаф Хайяли (ок. 1048 – ок. 1123), персидский и таджикский поэт, ученый (астроном и математик), философ. Автор сборника "Рубай" ("Рубайят", четверостишия).

Павильов Юрий (Георгий) Николаевич (1907 – 1937), художник-график.

Павлейко Петр Андреевич (1899 – 1951), журналист, писатель-прозаик, сценарист.

Пани Александр Михайлович (1914 – 1993), кинооператор.

Парфеев Гавриил Васильевич (1897 – 1966), археолог.

Патрайкин Александр Тимофеевич (1895 – 1974), живописец, плакатист, художник театра.

Петров Владимир Митрофанович (1920 – 1997), живописец.

Петров Евгений (1903 – 1942), настоящее имя *Катаев Евгений Петрович*, писатель – см. Ильф и Петров.

Петровская (Соколова) Нина Ивайовна (1884 – 1928), писательница.

Ей посвящение А. Белого.

Пикассо? Пабло Руис (1881 – 1973), испанский художник. С 1900 жил во Франции. Книга о нем.

Пикинадова Анастасия Артемовна, домохозяйка на ул. Мирабадской.

Пио, Рене? французский художник. "Палитра Делакруа", книга.

Пирмухамедов Рахили (1897 – 1972), артист театра и кино.

Пиросмаи Нико? Пиросманишвили Нико, 1860 – 1918), грузинский

живописец.

Подковыров Алексей Федорович (1889 – 1957), живописец, график.

Протазянов Яков Александрович (1881 – 1945), режиссер и сценарист.

Профессионально рисовал.

Пугачев Емельяи Ивайович (1740/42 – 1775), казак, руководитель крестьянской войны и казацких волнений.

Пуйин Евгений Александрович (р. 1924), художник кино.

Пушкин Александр Сергеевич (1799 – 1837), русский поэт и прозаик, драматург. "Сказка о рыбаке и рыбке".

Рабинович Ной Захарович (1911 – 1993), художник комбинированных съемок.

Разыков Ашир Кабирович (1910 – 1979), живописец.

Райх Зинаида Николаевна (1894 – 1939), драматическая актриса.

Рафаэляц Катерина, живописец.

Рахимбаева Захра Рахимова (1923 – 1992) (в обращении Зоя Рахимовна, Зухра Рахимовна), государственный деятель; в описанное время министр культуры Узбекистана. Первоначальное становление – Ташкентский педагогический институт и Московский институт экономики.

Рахимбаев Наримай Аликович (1927 – 1979), художник кино.

Рашидов Шараф Рашидович (1917 – 1983), писатель; государственный деятель, в описываемое время Первый секретарь ЦК КП Уз.

Рейбрандт, Хармен Ван Рейн (1606 – 1669), голландский художник.

Реззников Арый Иоифович (1898 – 1943), живописец.

Ризаева Юлдуз (1920 -), киноактриса.

Рогаяикова Тамара Алексеевна, врач МОНИКИ.

Роден, Огюст (1840 – 1917), французский скульптор и график.

Рождественская Дарья Ивайловна, в обращении; настоящее имя *Зуёва Дарья Артемовна*, из духовного звания. Мать В. Л. Рождественского.

Рождественская (урожденная Базаркина) Софья Николаевна, жена В. Л. Рождественского. Владела рисунком.

Рождественский Владимир Леонидович (1897 – 1949), живописец, график, плакатист, в кино – художник по костюму.

Розайов Николай Васильевич (1869 – 1940), живописец. Основатель и руководитель Студии живописи, рисунка и скульптуры при Ташкентском музее искусств, 1920-е гг.

Ромм Михаил Ильич (1901 – 1971), кинорежиссер и сценарист. В военные годы художественный руководитель Ташкентской к/с. Первая специализация – скульптор (учился во ВХУТЕМАСе).

Рузыбаев Дамир Салиджайович (р. 1939), скульптор, график и живописец.

Сабир Абдулла (1905 – 1972), настоящее имя *Абдулаев Сабирджан*, писатель-прозаик и поэт, драматург, в соавторстве киносценарий "Тахир и Зухра".

Сабитов Загит Зарифович (Дик Сабитович) (1909 – 1982), кинорежиссер.

Сабитова (урожденная Еремянц) Нийа Сократовна (1911 – 1991), инженер, работник к/с Узбекфильм. Жена З. З. Сабитова.

Савин Виталий Федорович (1903 – ум. в начале 1940-х гг.), живописец, художник монументально-декоративного искусства.

Савинов Евгений, живописец.

Савицкий Игорь Витальевич (1915 – 1984), живописец, художник-график этнографических и археологических экспедиций, реставратор и искусствовед. Основатель Государственного музея искусств Каракалпакстана (г. Нукус).

Садыков Талибджай (1907 – 1957), композитор.

Саид-ака, священнослужитель.

Сарымсакова Лютфиханузи (1896 – 1991), актриса театра и кино.

Сарьяй Мартироэ Сергеевич (1880 – 1972), живописец, график, художник театра; общественный деятель.

Сафарьяй Саркиз Амбарцумович (1898 – 1975), художник театра и кино.

Свердлин Лев Науфович (1901 – 1969), артист театра и кино. В юности рисовал плакаты, шаржи и рекламные щиты.

Сезайн, Поль (1839 – 1906), французский художник.

Серов Валентий Александрович (1865 – 1911), русский художник. "Письма", сборник.

Сидамой-Эристази (Эристов) Валерий Владимирович (1889 – 1943), живописец, график, художник театра и кино.

Сиддыки Азамхай (1900 – 1961), живописец, с 1940-го художник орнаментально-прикладного искусства.

Симонов Николай Константинович (1901 – 1973), артист театра и кино. Первая специализация – художник (учился в Петроградской Академии художеств).

Синицкий Дмитрий Дмитриевич (1907 – 1970), художник, график, плакатист.

Синичейко Валентий Эммануилович (1914 – 1976), художник кино и график.

Скиндер Софья Иоэифовна (р. 1907), скульптор.

Собберей Валентина Марцеловна (1891 – ?), киносценарист и искусствовед.

Соколова Ольга Александровна (р. 1898), живописец.

Соллертийский Ивай Ивайович (1902 – 1944), музыковед. "Избранные статьи о музыке", сборник.

Соловьев Леонид Васильевич (1906 – 1962), писатель. "Возмутитель"

спокойствия", роман; в экранизации "Насреддин в Бухаре".

Спадский Ивай Павлович (р. 1934), художник-график.

Спейнев Алексей Владимирович (1911 – 1994), режиссер и сценарист.

Спиноза, Баруш (1632 – 1677), нидерландский философ. "Этика", философский труд.

Страздин (Страздиньш) Ян Рейнович (1898 – 1970), скульптор, живописец и график.

Стрейетов, артист драматического театра.

Султайов Иззай Атахайович (Иззат Султан) (1910 – 2001), писатель-прозаик, драматург, в соавторстве киносценарий "Навои", переводчик, ученый (член-корреспондент АН Узбекистана). В 1943 – 1945 гг. директор Ташкентской к/с художественных фильмов.

Сундукьяй Габриэль Мкртычевич (1825 – 1912), драматург.

Сушкин Василий Ивайлович (1848 – 1916), русский художник. "Каталог выставки".

Суҳарева Ольга Александровна (1903 – 1983), этнограф. Жена Р. А. Акбальяна.

Табибуллаев Саъдихой (1906 – 1992), артист театра и кино.

Тамара Хануш (1906 – 1991), настоящее имя *Петросьянц Тамара Артемовна*, певица и танцовщица, создатель и хореограф песенно-танцевального жанра по мотивам народов мира. Собиратель этнографической коллекции одежды.

Тансыкбаев Нурбек Нурмайтвич (1926 – 1976), живописец. Племянник У. Т. Тансыкбаева.

Тансыкбаев Урай Тансыкбаевич (1904 – 1974), живописец, график, художник театра; общественный деятель.

Татевосьян (Тер-Татевосьян) Оганеж Карапайович (1889 – 1974), живописец, художник декоративного и монументально-оформительского искусства, керамист и художник по фарфору; общественный деятель.

Теплов Михаил Васильевич (1862 – 1958), живописец.

Тимуров Рашид Махмудович (Темуров Рашид Мухамедович) (1912 – 1991), живописец.

Тиссэ Эдуард Казимирович (1897 – 1961), кинооператор (окончил частную студию живописи и фотографии в г. Лиепая, Латвия).

Ткачейко Мелайя Ивайовна, живописец, график.

Толь Владимир Петрович, живописец. Последние сведения – фронт II-й мировой войны.

Тургунбаева Мукаррай (1913 – 1978), танцовщица и хореограф узбекских национальных театров, создатель танцевального ансамбля "Бахор".

Тюмейев Фуад (Федя) Касылович (1922 – 1999), пиротехник и администратор к/с Узбекфильм.

Уйғуй (1905 – 1990), псевдоним, настоящее имя *Атакузиёв Рахматулла*, поэт и драматург, в соавторстве киносценарий "Навои", переводчик.

Улугбек (Улугбек Мухаммад Тарагай), 1394 – 1449), государственный деятель и просветитель, ученый-астроном, автор философско-нравственных трактатов. Внук Амира Темура. С 1409 г. правитель Самарканда.

Урафту Айцелик Амазаповна (1899 – 1974), скульптор.

Уфилицев Виктор Ивайлович (1899 – 1964), живописец, график, художник театра и кино, плакатист. Основатель Ангреновской картинной галереи (г. Ангрена Ташкентской обл.).

Фаворский Владимир Андреевич (1886 – 1964), художник-график, живописец и скульптор, художник театра и монументального искусства, теоретик пластических искусств.

Фадеев Валентий Александрович (1912 – 1990), живописец, график, художник-оформитель.

Файнциглер Александр Михайлович (1906 – 1982), кинорежиссер.

Фалилеев Вадим Дмитриевич (1879 – 1948), художник-график.

Фальбов Порфирий Ивайлович (1906 – 1967), живописец и скульптор, художник декоративного искусства.

Фальк Роберт Рафаилович (1886 – 1958), живописец, график.

Федотов Борис, востоковед-индолог, самостоятельно освоил персидский и испанский языки, переводил латиноамериканскую поэзию.

Фельдман Дмитрий Моисеевич (1902 – 1963), кинооператор.

Феодоридис Никос Эврипидис (*Скарлайтос Никос*, псевдоним по фамилии матери, р. 1924), скульптор, керамист; поэт.

Франс, Анатолий (1844 – 1924), настоящее имя *Жан-Анатоль*

Тибо, французский писатель. "Остров пингвинов", "Восстание ангелов" и др.

Фролов Андрей Владимирович (1909 – 1967), кинорежиссер.

Хамраев Раззақ (1910 – 1981), артист театра и кино.

Хасайова Шамсрой (1917 – 1956), живописец.

Хачатуров Альберт Иосифович (1930 – 1977), режиссер театра и кино.

Хачатурян Араш Ильич (1903 – 1978), композитор.

Хачикяц Анушевай Погосович (*Иван Павлович*) (1908 – 1981), служащий Министерства автотранспорта и шоссейных дорог.

Хейфиц Раида Григорьевна (1894-1971), в описанное время корректор-

машинистка АН Узбекистана. Родственница кинорежиссера.

Хидоятов Абраф (1900 – 1958), артист театра и кино.

Хусейн Байкарақ (1438 – 1508), правитель Герата. Поэт (псевдоним *Хусаиний*).

Чайковский Петр Ильич (1840 – 1893), русский композитор... *имени Чайковского*.

Челлини, Бенвенуто (1500 – 1571), итальянский художник-скульптор и ювелир; писатель. "Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини, флорентийца, написанная им самим во Флоренции".

Чеэберлен Оэтин (1863 – 1937), государственный деятель Великобритании.

Чернявский Евгений Александрович, журналист, писатель, теоретик литературы. Близок кругу художников.

Чингисхай (ок. 1155 – 1227), полководец, основатель Монгольской империи, сложившейся в результате походов в страны Дальнего Востока, Азии, Закавказья и Восточной Европы.

Чуйков Семей Афанасьевич (1902 – 1980), живописец, один из основателей Киргизского музея изобразительных искусств.

Шакаров Александр Николаевич (*Шакарья Сандро*) (1912 – 1984), живописец, график, художник театра и кино.

Шамахмудов Шаахмед (1890 – 1970), кузнец. В годы II-й мировой войны вместе с женой, Бахри Акрамовой, принял 15 детей-сирот разных национальностей.

Шекспир, Уильям (1564 – 1616), английский драматург. "Отелло", трагедия.

Шефнер Вадим Сергеевич (р. 1914/15 – 2002), поэт и прозаик. "Я сожалею, что и ты...", стихотворение.

Ширийова Салиха Ширийовна (1917 – 1992), жена Г. Н. Никитина.

Шихалидов Талляй Агалай-оглы (р. 1928), живописец и график.

Шкловский Виктор Борисович (1893 – 1984), писатель, сценарист, теоретик литературы, исследователь кинопроцесса.

Шофчев Акиндий (Аркадий) Петрович (1897 – 1991), живописец и график.

Эгиз Борис Самойлович (1902 – 1973), врач. Муж А. А. Жосан.

Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898 – 1948), кинорежиссер и сценарист, теоретик киноискусства; художник и искусствовед.

Яковлев Николай Федорович (р. 1896), живописец.

Ярмайтов Камиль Ярмайтович (1903 – 1978), кинорежиссер и артист, сценарист, художественный руководитель к/с Узбекфильм; общественный деятель.

Ярмайтова Стэлла (Сабийина Стэлла – Татьяна Дмитриевна, р. 1928), жена К. Я. Ярмагова. Окончила Студию киноактера в Ташкенте; на к/с Узбекфильм работала вторым режиссером.

Яўшев Рустай (р. 1937), художник-график.

Яўшева Зейнаб Мухамедовна, художник (училась в Студии Н. В. Розанова при Музее искусств в Ташкенте).

Яшей Камиль (1909 – 1997), настоящее имя *Нугмайов Камиль*, писатель-прозаик, драматург, автор статей об узбекской драматургии; общественный деятель.

ОБ АВТОРЕ

ЖОСАН Вера Авраамовна 18 октября 1912, гор. Самара Российской Федерации (старый стиль 8 октября 1912) – 17 апреля 1997, гор. Ташкент. Написание фамилии в первичных документах – Жоссан. Национальность – русская. По семейному преданию, прадед – француз. Родилась в многодетной семье архивариуса Авраама Митрофановича Жоссана и Евдокии Африкановны Кудиновой. Рисовала с детства. Помимо школьных уроков рисования занималась с частным педагогом. В 1929 г. переезжает с родителями в город Самарканд.

Окончила школу – одиннадцатилетку с правом педагогической работы и некоторое время преподавала в школе. Выступала в Народном театре (ныне Самаркандский Русский Драматический театр); среди ролей – Софья из "Горе от ума" А. Грибоедова.

После окончания курсов счетоводов приступила к работе в Художественном училище, где ее начальником, бухгалтером, был известный в Узбекистане художник и педагог М. В. Теплов, ученик Н. Н. Ге. Одновременно он являлся одним из ведущих преподавателей училища. В. А. Жосан поступила учиться на живописное отделение и занималась у Л. Л. Бурэ, П. П. Бенькова, З. М. Ковалевской. Училище пришлось оставить из-за самолюбия, т. к. педагоги часто говорили, что ее задания выполнял профессионал и проявляли недоверие к студентке, которая к тому времени была женой художника.

В первом браке, с 1930 года, – жена латышского скульптора и живописца Я. Р. Страздина (Страздиньши), работавшего в Узбекистане. Во втором, с 1937г., – художника В. Н. Еремяна. Переезжает в Ташкент в

1937г. после приглашения Еремяна Ташкентской киностудией на постоянную работу. Две дочери.

До переезда в Ташкент работала на Самаркандской Изофабрике (художественно - производственные мастерские пространственных искусств) художником (живопись, оформительское искусство, скульптура) и счетоводом. Дружила со многими художниками. Известный по выставкам "Портрет В. Ж." Елены Коровай написан в Самарканде с нее.

В Ташкенте в военные годы работает в портретной мастерской Союза художников. Позднее выполняет эпизодическую работу. В 1970-е гг. систематизировала библиографию В. Н. Еремяна, смонтировала фильмографические альбомы, составила монографический текст о его творчестве для работы специалистов – Еремян Варшам Никитович (1897-1963), Народный художник Узбекистана. Кроме Е. Л. Коровай, портреты Веры Жосан создавали Я. Р. Страздин, Я. К. Кучис, В. Н. Еремян, Д. П. Демуцкий.

6

7

12

8

9

13

11

10

14

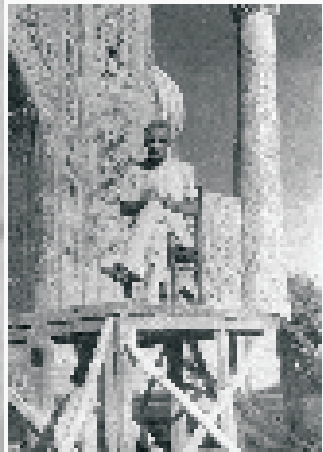

15

16

17

20

18

21

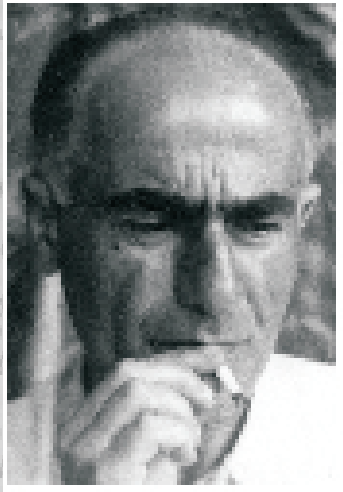

19

22

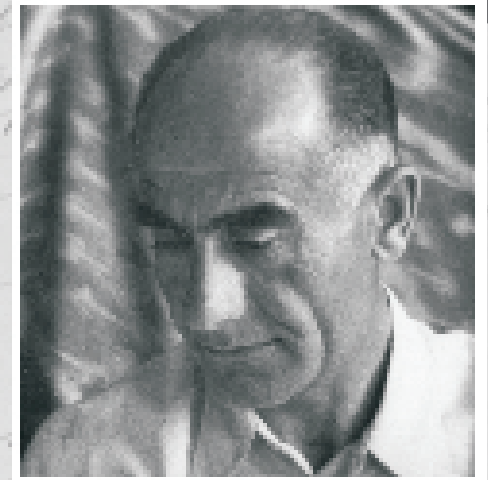

23

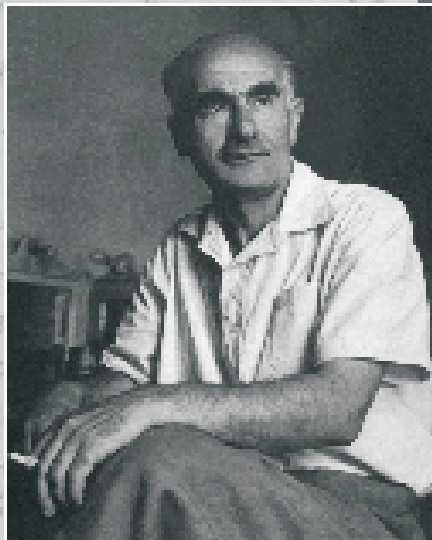
24

27

28

25

26

29

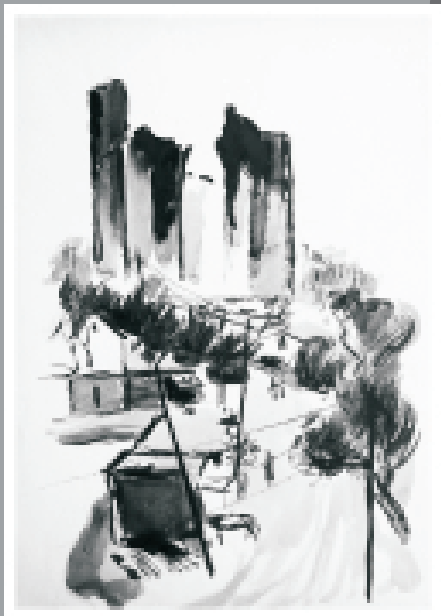

30

31

32

33

Фото

I стр. обложки: В. Н. Еремян "Ранняя осень в городе. Самарканд". 1959. Картон, масло. 45,5x35,5.

IV стр. обложки: В. А. Жосан. 1956. Ташкент.

1. В. Жосан. 1931. Самарканд.
2. Я. Страздин за работой над скульптурной группой "На учебу". 1930.
Справа С. Скиндер.
3. Я. Страздин и В. Жосан в скульптурной мастерской. 1930.
4. Я. Страздин.
5. На выставке Т. Дукович. В центре Я. Басов; на I плане справа М. Калонтаров; сидят В. Еремян, Л. Арзуманова, Р. Акбальян; на II плане С. Скиндер, справа А. Шакаров и В. Жосан. 1937. Самарканд.
6. Ю. Корняков. 1929. Самарканд.
7. В. Жосан. 1941. Ташкент.
8. Алексей Иванов. 1931. Самарканд.
9. А. Аракчеев. 1931. Самарканд.
10. Вблизи Регистана – Е. Коровай, Г. Никитин, П. Фальбов. 1930.
11. А. Шакаров. 1937. Самарканд.
12. Художники Самарканда З. Ковалевская и Л. Бурэ; Лера Дукович, А. Шакаров, В. Еремян (II план); Г. Никитин и П. Беньков. *
13. Первая республиканская конференция по народному искусству. 1940. Самарканд. Упоминаемые в тексте книги лица: в центре I плана Усто Ширин Мурадов; во II ряду В. Еремян, Я. Страздин, О. Сухарева, Е. Коровай, А. Ермоленко, Н. Карахан, Л. Бурэ, А. Разыков; в центре III ряда Р. Акбальян, В. Савин, П. Фальбов; крайний справа Г. Никитин.

Фото

I стр. обложки: В. Н. Еремян "Ранняя осень в городе. Самарканд". 1959. Картон, масло. 45,5x35,5.

IV стр. обложки: В. А. Жосан. 1956. Ташкент.

1. В. Жосан. 1931. Самарканд.
2. Я. Страздин за работой над скульптурной группой "На учебу". 1930. Справа С. Скиндер.
3. Я. Страздин и В. Жосан в скульптурной мастерской. 1930.
4. Я. Страздин.
5. На выставке Т. Дукович. В центре Я. Басов; на I плане справа М. Калонтаров; сидят В. Еремян, Л. Арзуманова, Р. Акбальян; на II плане С. Скиндер, справа А. Шакаров и В. Жосан. 1937. Самарканд.
6. Ю. Корняков. 1929. Самарканд.
7. В. Жосан. 1941. Ташкент.
8. Алексей Иванов. 1931. Самарканд.
9. А. Аракчеев. 1931. Самарканд.
10. Вблизи Регистана – Е. Коровай, Г. Никитин, П. Фальбов. 1930.
11. А. Шакаров. 1937. Самарканд.
12. Художники Самарканда З. Ковалевская и Л. Бурэ; Лера Дукович, А. Шакаров, В. Еремян (II план); Г. Никитин и П. Беньков. *
13. Первая республиканская конференция по народному искусству. 1940. Самарканд. Упоминаемые в тексте книги лица: в центре I плана Усто Ширин Мурадов; во II ряду В. Еремян, Я. Страздин, О. Сухарева, Е. Коровай, А. Ермоленко, Н. Карахан, Л. Бурэ, А. Разыков; в центре III ряда Р. Акбальян, В. Савин, П. Фальбов; крайний справа Г. Никитин.
14. П. Фальбов. 1966. Душанбе. *

15. А. Сиддыки. 1924. Самарканд.

16-17-18. Съёмки к/ф "Насреддин в Бухаре". 1943. Регистан в Самарканде.

Рабочий момент съёмок (16). На "лесгах" (17). В. Еремян и Д. Демуцкий (18).

19. На съёмках к/ф "Алишер Навои". 1946. Эпизод с визирем Маджмеддином (со спины справа, арт. А. Джалилов). Возле камеры К. Ярматов и Навои (арт. Р. Хамраев); крайний слева З. Сабитов. *

20, 22. Экспедиция к/ф "Рыбаки Арала". 1957. Аральское море, остров Муйнак. Снимают шторм. Справа А. Акбарходжаев и В. Еремян (20). В море. В. Еремян, Н. Рахимов, Ю. Агзамов, М. Агзамова (22).

21. В перерыве. Члены съёмочной группы к/ф "Когда цветут розы" П. Капустянский, В. Еремян, Р. Пирмухамедов, Б. Закиров, А. Джалилов. 1959.

23. В. Еремян. 1945. Ташкент. Фото Д. Демуцкого.

24. В. Еремян на этюдах. 1946. Пригород Самарканда. Фото М. Краснянского.

25. В. Еремян. 1946. Ташкент. Фото А. Панна.

26. В. Жосан. 1941. Ташкент.

27. В. Еремян. 1945. Ташкент. Фото Д. Демуцкого.

28. Г. Никитин и В. Жосан. 1959. Самарканд.

29. И. Ларьков. 1935. Самарканд.

30. В. Еремян "Старые тутовники". 1955. Б., тушь. 41,8x30.

31. В. Еремян на этюдах. В перерыве между съёмками. 1946. Пригород Самарканда. Фото М. Краснянского.

32. В. Еремян "Биби-Ханым. Самарканд". Б., черн. акв., тушь. 44x31,5.

33. В. Еремян "Главная улица поселка". 1937. Б., черн. акв., тушь. 44x31. –

Повторено в варианте эскизов к к/ф "Хамза". 1960.

Фотографии из личного архива В. А. Жосан и В. Н. Еремяна.

За исключением отмеченных * публикуются впервые.

Лица на снимках указаны в расположении слева направо.

Размеры произведений – в сантиметрах.

Рядом с художниками
(*Записки Веры Жосан*)

Дизайн, верстка – Сухроб Курбанов
Ответственный за выпуск Ю. Сырцова

Подписано в печать 14.05.2009
Формат 60 x 90 1/16
Бумага кн.-журн. Гарнитура Times New Roman
Ризо печать. Печ. л.6,625
Заказ №100. Тираж 200
Отпечатано в типографии ООО «Max Print»

«Записки Веры Жосан» относятся к жанру мемуарной литературы и представляют воспоминания жены художника. Книга состоит из коротких глав и образно повествует о Самарканде 1930-х годов и его художественной среде; равноценны памятные страницы ташкентского периода жизни; увлекательна портретная характеристика известных деятелей культуры и их сподвижников. Книга насыщена фактами в изложении наблюдательного и сопереживающего спутника.

